

ДВАДЦАТЬ ДВА НЕСЧАСТЬЯ 10

СУГРАЛИНОВ Д.
ФОНД А.

18+

Данияр Сугралинов

Двадцать два несчастья. Книга 10

«Автор»

«Автор»

2026

Сугралинов Д.

Двадцать два несчастья. Книга 10 / Д. Сугралинов — «Автор»,
«Автор», 2026

Говорят, как Новый год встретишь, так его и проведешь. Если в миске с оливье — весь год будет сытным. А вот Серега Епиходов готовится встретить Новый год в кругу друзей и верных сусликов. Как же хорошо в санатории — еловый лес, свежий воздух, целебная вода. Вот только зря Ачиков встал на тропу войны. Ой, зря! А тут еще Система преподносит сюрпризы, да и новый враг появился, так что непонятно, что теперь с этим делать

© Сугралинов Д., 2026

© Автор, 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	12
Глава 3	17
Глава 4	23
Глава 5	28
Глава 6	34
Глава 7	39
Глава 8	45
Глава 9	50
Глава 10	55
Глава 11	61
Глава 12	67
Г	73
Конец ознакомительного фрагмента.	74

Фонд А.

Двадцать два несчастья. Книга 10

Глава 1

Пошла вода горячая...

В общем, пока Элен занималась с Борькой, я в третий раз перечитывал сообщение Системы, пытаюсь уложить в голове произошедшее.

Отчет о биоэнергетическом ресурсе носителя.

Митохондриальная плотность, скелетная мышца: +38% к исходному со дня инициации.

Митохондриальная плотность, нервная ткань: +14% к исходному со дня инициации.

Дефектная популяция: снижена с 34% до 19%.

Мембранный потенциал: восстановлен в пределах нормы.

Продукция АТФ: +31% к исходному.

Главные факторы роста:

- устойчивое воздержание от этанола;
- устойчивое воздержание от никотина;
- восстановленный режим сна (≥ 7 ч);
- регулярная физическая нагрузка;
- достаточное потребление белка и микронутриентов;
- сниженный уровень кортизола.

Текущий митохондриальный резерв достиг порога, необходимого для работы платформы в штатном режиме.

Но удивляли меня не эти цифры. Давно известно, что туман в голове, слабость, сонливость и упадок сил — следствие износа митохондрий, энергетических станций организма, но при нормальной образе жизни, достаточном движении и восстановлении их можно довольно быстро не просто восстановить, но и прокачать, причем как качественно, так и количественно.

И о том, что Система, по сути, питалась энергией АТФ, я тоже уже догадывался.

Ничего удивительного в этом не было, не считая самого факта наличия загадочной Системы в моей голове.

Но...

Следом появилась информация, от которой я впал в изрядный шок:

Установлено соединение с локальным сегментом вселенского информационного поля.

Сегмент: локальный сектор Галактики.

Источники данных: совокупный корпус знаний разумных видов сектора.

Доступ носителя: ограниченный, в пределах текущей редакции протокола.

Предупреждение: Система является каналом, а не источником. Источники верификации данных носителю недоступны.

О как! Значит, моя Система не прибор, а канал, то есть связь с каким-то вселенским инфополем. Ноосфера или что-то большее? Формулировка понятия, выбранная Системой, была странной, но еще более удивительные вещи открылись в следующем системном сообщении:

Открыт навык: «Познание сути I».

Функция уровня I: идентификация разумного объекта при удержании фокуса взгляда.

Отображаемые поля: имя, возраст.

Ограничения функционала уровня I:

— *Фоновое сканирование поля зрения недоступно.*

— *Одновременная идентификация нескольких объектов недоступна.*

— *Идентификация предметов и неодушевленных объектов недоступна.*

— *При закрытом лице объекта идентификация не выполняется.*

— *При бессознательном состоянии объекта навык замещается стандартной диагностикой.*

Дальнейшее расширение возможно на более высоких уровнях навыка.

Правый угол поля зрения мигнул, и там появилась строчка текста:

Штатный режим. Навыки: 1.

Сразу после этого по моей спине и вискам потек пот, колени сделались ватными, в животе что-то ухнуло и провалилась в пятки. Затылок снова налился тяжестью, как после пары часов за монитором. Очевидно, типовая гипогликемия после разблокировки Системы, потребовавшая огромных ресурсов организма.

Крепко сжав спинку стула, чтобы удержаться на месте и не заваливаться вперед, я бросил взгляд на Борьку с Элен. Они продолжали свое «шар, шап-ка, жук, нож».

В этот момент в комнату заглянула Оля и, страшно смущаясь и краснея, начала делать мне какие-то знаки.

Я уже решил, что она опять в своих фантазиях, и делал вид, что не замечаю. Но девочка так старалась, что даже Элен заметила ее пантомиму:

— Сергей Николаевич, это же вас зовут? — Она кивнула на отчаянно покрасневшую Олю в дверях.

Пришлось вставать и выходить, чтобы не мешать людям заниматься. Я шел, уставившись себе под ноги и не глядя на Олю, как бы сильно ни хотелось опробовать это самое пресловутое «Познание сути» первого уровня. Мало ли, вдруг в обморок упаду? И так сил нет.

— Дядя Сергей, вы в порядке? — озабоченно спросила Оля, когда я вышел в коридор и прикрыл за собой дверь.

— Да, просто задумался, — отговорился я. — Что случилось?

— Там к вам пришли, — взволнованно выпалила Оля, залилась румянцем и убежала.

Я остался в коридоре один.

И вот куда они ко мне пришли, и кто?

Стоять в коридоре и дальше было нерационально, поэтому я пошел к выходу, справедливо рассудив, что если кто и пришел, то ждет или во дворе, или в прихожей.

И оказался прав.

Во дворе топтался... Чепайкин.

Был он, как говорится, при полном параде. Таким я его ни разу не видел, а потому невольно задержал взгляд дольше обычного. Он явился в явно новом костюме-тройке: пиджак и жилет со скособоченным галстуком было видно через нарочно расстегнутый пуховик. Рубашка тоже была новая, ненадеванная, потому что магазинные складки оставались все такими же острыми. И при этом вид у него был еще более сконфуженный.

Над его головой бесшумно развернулась плашка.

Арсений Лукич Чепайкин, 62 года

Прозвище: Шапоклюй.

Шапоклюй? Я чуть не заржал аки конь, но сдержался, больше удивленный самим фактом. Сработало! Да, имя-отчество я и сам знал, а вот прозвище было для меня новостью. Все это требовалось обдумать, особенно факт появления у меня «навыка», да еще и первого уровня. Ведь это значило что? Правильно! Что могут быть и другие навыки! И что, вполне вероятно, можно поднять «Познание сути» на следующий уровень! Интересно, а что это все даст? И как поднять?

Найдя компромисс с самим собой в том, что обязательно изучу новые функции Системы, когда останусь в одиночестве, я внимательно посмотрел на уже паникующего Чепайкина и поздоровался:

— Здравствуйте, Арсений Лукич! Что-то случилось? Что-то по здоровью не так?

Чепайкин густо покраснел и пробормотал:

— Доброго денечка, Сергей Николаевич. Дык как бы и случилось... наверное...

— А что такое? Давление? Сердце пошаливает?

— Да вот, пришел к вам просить руки Нины Илларионовны! — выпалил Чепайкин.

С крыши за его спиной бесшумно соскользнул влажный пласт снега и тяжело шлепнулся в сугроб между нами.

— Она сама хоть в курсе? — спросил я.

Чепайкин посмотрел на меня с недоумением:

— В каком смысле «в курсе»?

— В прямом, — без обиняков ответил я. — Ну, вот вы пришли ко мне просить руки Нины Илларионовны, хотя я, кстати, и не понимаю, почему именно ко мне?

— Ну как почему? Вы же доктор, а она при вас, — уважительно заявил Чепайкин, и мне на это нечего было возразить.

— Но все-таки почему ко мне ее руки просить пришли? Не проще ли ее саму спросить? — уточнил я.

— Да че там с бабы взять! — пренебрежительно замахал руками Чепайкин. — Мы сейчас между собой по-мужски договоримся, а там уже дело решенное будет. Там я ее уже нахрапом и возьму.

— О как! — озадаченно пробормотал я.

Интересно, Чепайкин хоть в курсе, что крепостное право давно отменили, или все-таки лучше сказать ему?

— Ну что, согласны? — нетерпеливо спросил Чепайкин, затаив дыхание и явно ожидая от меня только положительного ответа.

Но настроение у меня почему-то было все еще дурашливо-приподнятым, видимо, после переписок с девушками, а может, из-за апгрейда Системы, так что я, тщательно удерживая серьезное выражение на лице, покачал головой и отрезал:

— Нет, я категорически против! Возражаю.

— Как так-то? — охнул и всплеснул руками Чепайкин. — Почему же это?

— А почему я должен вам отдавать Нину Илларионовну? — с делано удивленным видом посмотрел на него я. — Она сейчас состоит при мне, это вы правильно заметили. Она мне готовит, следит за моим бытом, кормит Валеру и Пивасика, все по дому делает. Я вот вам сейчас ее отдам, а мне что за это будет? Какая мне от этого польза? Вы получите себе Нину Илларионовну. Заимеете и помощницу в дом, и хозяйку, и супругу. А мне что? Я-то лишусь всего. Зачем мне это?

— Ну да, — протянул потихоньку Чепайкин и задумчиво почесал мигом взопревшую лысину. — Получается, что так.

— Именно так, — сказал я, еле сдерживая смех.

— Так, получается, вам калым нужен? — с надеждой спросил Чепайкин.

— Ну да, — кивнул я.

— Понял, — обрадованно закивал мужик и, подмигнув мне, развернулся и бросился вон со двора.

Я усмехнулся, не зная, как на все это реагировать. Когда расскажу тете Нине, она, наверное, упадет со стула от смеха. Ну, Чепайкин, ну, артист! Это ж надо!

Затем я вернулся в дом. Там занятие продолжалось, и Элен с Борькой уже практически преодолели первую часть никак не поддававшихся Борису буквосочетаний «жи» и «ши».

— Ну вот, — с облегченным вздохом расправила затекшую спину Элен, — на сегодня занятие окончено. Боренька, ты был молодец.

Пацаненок просиял и приосанился.

— Завтра мы повторим «жи» и «ши». Тебе домашнее задание — потренируй упражнение «сладкое варенье» перед сном десять раз. Ты считать до десяти умеешь?

Борька кивнул и с готовностью принялся считать:

— Лас, два, тли...

Элен поморщилась, но выдержала фонетическую экзекуцию до конца:

— Вот и молодец. Значит, вечером потренируйся. Договорились?

Борька кивнул и вдруг сказал:

— Подоздите! — И с этими словами он выскочил из комнаты.

Мы с Элен переглянулись, и я пожал плечами. Возможно, хочет какой-то рисунок показать.

Борька вернулся через полминуты — влетел в комнату, весь растрепанный, запыхавшийся. Посмотрел на Элен сияющими глазами и протянул ей полплитки шоколадки:

— Натё! — сказал он и радостно улыбнулся.

— Ч-что это? — спросила Элен.

— Это секолядка, она вкусная, я плобовал, — пояснил Борька недогадливой тете, — это зя улок вам.

— Что мне делать? — округлила глаза Элен и умоляющим взглядом посмотрела на меня.

— Берите, — подсказал я. — Вы же честно заработали. Значит, она ваша.

— Но как я могу... у ребенка? — Элен просительно глянула на меня, вдруг я как-то разругую ситуацию.

Борька все еще протягивал шоколадку и терпеливо ждал, что добрая учительница возьмет.

— Берите, берите, — повторил я.

Элен несмело взяла кусочек шоколадки и с растерянной улыбкой поблагодарила Борьку. Тот аж засиял.

— Молодец, — похвалил его я. — Завтра мы опять приедем на занятия. Только больше ты про оплату не думай. Оплату делает государство, ты же пойдешь в государственную школу.

Борька задумчиво поморщился, чуток подумал, затем согласно кивнул с заметным облегчением.

— Все, веди себя хорошо, слушайся старших. До завтра, — сказал я.

— Как там Пивасик? — спросил Борька на пороге, прощаясь.

— Хорошо. Ждет тебя не дождется.

В воротах показалась Райка, она как раз заходила во двор и при виде нас, точнее, меня аж отшатнулась.

— З-здрасьте... — пролепетала она.

— Здравствуй, Раиса Васильевна, — сказал я и представил ее Элен. — Элен, это мама Борьки, Раиса Васильевна. А это Элен, она логопед из Казани, занимается с вашим ребенком.

— С-спасибо, — заискивающе кланяясь, пробормотала покрасневшая от смущения Райка и бочком-бочком мимо нас торопливо шмыгнула в дом.

Одета она была довольно прилично, чисто вымытая, на голове простая вязаная шапочка, куртка самая обычная, синтепоновая, хорошая, но неновая, видимо, кто-то отдал. Выглядела она как обычная сельская жительница. Да, лицо оставалось одутловатым, как у хорошо пьющей, но при всем при этом Райка была трезвая, и уже даже нездоровая краснота и бугристость начали уходить.

Я присмотрелся и подумал: ну что ж, может, все-таки она и встанет на путь истинный. Сейчас что-то прогнозировать еще рано, там дальше будет видно, пока держится, и то хорошо. И все довольны: и Фролова, и Борька счастлив, накормлен и в тепле. И Райка. Кстати, я не спросил, где она живет. Ну ничего, у тети Нины поинтересуюсь.

Тем временем мы с Элен сели в машину. Она все так же продолжала держать Борькин подарок в руке.

— Что мне делать с этой шоколадкой? — наконец, несмело спросила она.

На плитке был виден отпечаток от зубов Борьки. Видимо, он ее грыз, но половинку оставил и поделился с Элен. «Оплатил» занятие.

— Ну, он же от чистой души, — усмехнулся я. — Положите в бардачок машины, если не надо. Я потом найду, куда девать.

— Да нет, я заберу с собой, — улыбнулась Элен. — За всю жизнь еще никто так со мной за уроки не расплачивался. Я это честно заработала.

— Ну вот видите, какой-никакой приработок получился, — пошутил я.

Дальше мы молча ехали по дороге. Я сказал Элен, что сейчас отвезу ее в санаторий. Мы с ней еще немножко в лесу поработаем, а затем пообедаем. Потом я проинструктирую ей по программе, что делать дальше, а сам уеду по делам.

— Я знаю, — кивнула она. — Вы говорили, что у вас встреча в администрации.

— Да, но это вечером. Хочу еще заглянуть в больницу. Забрать свою трудовую, — сказал я. — Да и кое-какие вопросы решить надо будет. Как вы относитесь к иглотерапии?

— О, мне когда-то ставили иголки, давно еще, — вздохнула Элен и слегка поморщилась. — Это очень полезно. У меня болят суставы, после иголок какое-то время было легче.

Иглоотерапия — вещь хорошая, хоть и дискуссионная. Но в беседе с пациентом лучше звучать решительно и самому верить в сказанное, поэтому я согласился:

— Да, иголки — это полезно. Особенно иглорефлексотерапия по Горячкину. Воздействие специальными иглами на активные точки активизирует выброс биологически активных веществ, улучшает кровообращение и снимает мышечные спазмы. Процедура, конечно, не всегда приятная, зато потом уменьшается болевой синдром, нормализуется сон, ощущается прилив сил и улучшение настроения. А незначительные электрические разряды, которые проходят по нервным окончаниям, очень благотворно влияют на иннервацию всех внутренних органов, сосудов и тканей. Я сегодня буду в больнице, поговорю с Александрой Ивановной, узнаю, может ли она уже начинать работу хотя бы с вами.

— А сколько мне нужно процедур? — спросила Элен.

— В рамках полноценной терапии необходимо пройти курс из десяти-двенадцати сеансов. Максимальное улучшение самочувствия наблюдается примерно через две-три недели после окончания терапии.

Элен задумчиво кивнула.

— Но вы же понимаете, что Александре Ивановне нужно оплачивать эту работу отдельно?

— Да, конечно, я все понимаю. Без проблем. О деньгах вопрос не стоит, — заверила меня Элен. — Кстати, мы с вами еще не обсудили, сколько я должна буду вам заплатить за лечение.

— А вот это давайте перенесем на пару дней, — предложил я. — Вы посмотрите, подойдет или нет вам моя программа. Видите, она у меня несколько специфическая, я ее подбираю сейчас индивидуально под вас. Эта программа не только на физическое тело воздействует, но и на душу тоже.

— Я заметила, — улыбнулась Элен и оживленно сказала: — Вы знаете, Сергей Николаевич, я сейчас еду вот с вами в этой машине и практически счастлива, сама не пойму почему. Немножко поработала на свежем воздухе со снегом, в прекрасном дремучем лесу, затем пообщалась с этим чудесным несчастным и таким благодарным ребенком — и у меня такое состояние, словно я сейчас маленькая-маленькая девочка, подошла на Новый год утром к елке и вот-вот найду и открою подарок от Деда Мороза.

— Ну, это же замечательно, — улыбнулся я.

И вдруг меня пронзила мысль:

— Слушайте, как хорошо, что вы мне напомнили!

— О чем? — спросила Элен.

— Через две недели же Новый год, — ошеломленно сказал я. — А у меня еще, как говорится, и кот не валялся. Столько надо подарков всем. Кого-то пропустишь — обидятся, а я еще даже не представляю, кому и что дарить и что вообще делать.

От неожиданности я даже остановил машину. Хорошо, что мы уже выехали из Морков и сзади никого не было, иначе могла случиться авария.

Я ошарашенно посмотрел на Элен и сказал:

— Это же надо. Так закрутился со всеми своими делами, что совершенно забыл о том, что скоро Новый год! Я сейчас буду весь в заботах по санаторию. Даже не представляю, как смогу вырваться в Казань за подарками. А там тоже куча народа, и тоже нужны подарки. И вот как я это все успею? Кошмар какой-то.

Я аж за голову схватился.

— Может, купить много-много хороших конфет, разделить поровну и вот так решить этот вопрос? — задумчиво начал перебирать варианты я, но тут же исправился: — Нет, лучше фруктов. Конфеты надо дарить врагам. Хотя нет, какие к чертям фрукты на Новый год? Дарить нужно...

Я запнулся и умоляюще посмотрел на Элен, а та усмехнулась:

— Знаете, Сергей Николаевич, а давайте я помогу вам с подарками?

Заметив мой возмущенный взгляд, она поправилась:

— Не оплачивать подарки, а выбирать. Это, согласитесь, разные вещи. У меня, если честно, теперь уже почти никого и нет, кому можно что-то дарить. Дети и внуки далеко, во Флориде, подруг почти не осталось, разве что Алисочка и еще две-три девочки. Поэтому я с радостью помогу вам. Вы только набросайте список и в двух словах расскажите про этих людей — каковы их предпочтения и интересы.

— Но...

— И даже не возражайте! — улыбнулась Элен. — Для меня это в радость. Вы даже не представляете, какая я довольная сейчас! Мне даже петь охота!

— Так пойте, — улыбнулся я.

— В лесу обязательно спою, — широко улыбнулась Элен, — так интереснее. Всегда мечтала покричать и попеть в лесу.

В этот момент мы подрулили к санаторию.

— Вылезай, вылезай, я тебе говорю, паразит! — услышали мы вопли тети Нины, когда только-только вошли в коридор флигеля. — Вот я тебя на перевоспитание егерям сдам, страховидло ты бессовестное!

При этих воплях мы с Элен переглянулись и ускорили шаг.

— Что случилось? — спросил я, обнаружив, как тетя Нина на кухне веником пытается достать кого-то из-под тумбы с умывальником.

Я был настолько удивлен ее поведением, что невольно задержал взгляд, и над ней всплыло окошко:

Нина Илларионовна Андреева, 61 год

Прозвища: тетя Нина, Ницзя, Рыбонька.

Рыбонька? Я сдержал смешок, гадая, кто же ее может так называть, а сама тетя Нина при виде Элен торопливо спрятала веник за спину.

— Да я это... ничего...

— Что тут творится? — спросила Элен, тоже, в свою очередь, заподозрив неладное.

Тетя Нина зачем-то сделала вид, что замечает сор обратно под тумбу, и покраснела.

Глава 2

Тетя Нина долго отпиралась, но в конце концов мы вдвоем с Элен, как говорится, приперли ее к стенке, и она созналась во всем.

В общем, когда Элен убирала снег и ездила со мной к Борьке, ее плюгавенький песик Альфик сидел дома. Он был приучен к отсутствию хозяйки, так что обычно спокойно оставался один и просто часами дрых на кровати. Но в этот раз что-то пошло не так. Видимо, Элен то ли не заперла дверь, то ли у нее еще даже ключа не было, в общем, глупый Альфик каким-то образом открыл ее и вышел на коридор, где был застигнут новоприбывшими жильцами — Валерой и Пивасиком. Точнее, первооткрывателем стал Валера.

Альфик, будучи нормальной собакой, хоть и мелких габаритов, при виде кота возмущенно тявкнул. Но Валера, выросший и воспитанный на помойке, вместо того чтобы, как любая нормальная кошка, поджав хвост, юркнуть обратно и спрятаться от собаки, рассерженно зашипел и грозно взмахнул на Альфика лапой. От такой наглости песик обалдел и тявкнул на Валеру еще раз. И после этого схлопотал лапой по морде. Причем здесь следует отметить, что лапой с когтями — Валера не просто так часами натачивал их на когтеточке, да и стричь без боя не давал.

Завизжав от боли, но больше от обиды, оскорбленный Альфик набросился на Валеру с истеричным лаем. Этот звук мне описывать не пришлось, я не понаслышке знал, какой именно голос у подобных собак размером с суслика.

Валера заорал что-то типа «Вперед, за ВДВ!» и люто кинулся на Альфика. На звуки борьбы, конечно же, вылетел любопытный Пивасик. Обнаружив, что на его Валеру посягает какое-то непонятное существо размером с хомяка, попугай спикировал на Альфика, сел на его спину и принялся клевать и махать крыльями. Перепуганный песик, пораженный вражеским вероломством, ломанулся от этих ужасных диких зверей куда подальше.

В результате совместных усилий Валера с Пивасиком, закаленные в борьбе с соседским петухом в Морках, легко загнали Альфика под тумбу умывальника на кухне. Там он забился непонятно каким образом в практически двухсантиметровую щель и притаился, притворившись одной из труб.

Мстительный Валера залег в засаде, Пивасик тоже сидел вроде как не при делах, но при этом оба бдели и в течение часа не давали бедному Альфику вылезти оттуда, постоянно загоняя обратно.

Тетя Нина, которая слышала какие-то громкие звуки, но была слишком занята обедом и вовремя не среагировала, придя туда, обнаружила Валеру. По его хитрой морде она поняла, что что-то здесь пошло не так, а заглянув за тумбу, нашла там дрожащего Альфика. Путем уговоров, посулов и обещаний тетя Нина в течение получаса тщетно пыталась выманить собакохомяка из норки, но не тут-то было.

Альфик, помня о Валериных когтях, только жалостно поскуливал и вылезать никак не желал. Тетя Нина, конечно же, предположила, что, когда вернется Элен, будет грандиозный скандал, поэтому попыталась простым народным средством, то есть с помощью веника, выместить Альфика из его убежища. Она надеялась, что пес просто застрял, но тот забивался все глубже и глубже, пока совершенно не мимикрировал под стенку. И все это время тетя Нина пыталась всякими уговорами и посулами его выманить, пока не была застукана нами на месте преступления.

— Вот так вот все и происходило, — вздохнула она и пригрозила Валере веником: — Ах ты жулик какой! Анафема!

Валера обиженно чихнул, но с места не сдвинулся. Пивасик приоткрыл один глаз, укоризненно посмотрел со своего насеста на тетю Нину, закрыл глаз и принялся терпеливо ожидать, пока Альфик вылезет из укрытия.

— Что будем делать? — сказала тетя Нина и с надеждой посмотрела сперва на Элен, потом на меня.

Элен тоже уставилась на меня. Что делать, я не знал. Моя рука в щель не влезала. Кроме того, я справедливо опасался, что Альфик после такого стресса может и цапнуть. Я бы на его месте именно так и поступил.

Недолго думая, я вышел на крыльцо и обнаружил там Томая Батыгина, одного из мужиков, которые работали в марийской общине по облагораживанию территории и внутренних помещений.

— Можно вас на минуточку? — попросил я.

— Да, конечно. А что надо? — Томай отложил лестницу и моток шланга, с которыми перемещался по двору, и затопал по крылечку.

— Вы бы не могли каким-то образом помочь нам вытащить собаку?

— Собаку? — удивился мужик, но ничего не сказал и пошел следом за мной.

— Вон там, он забился в щель и застрял, — показал я.

Томай, мужик хоть и невысокий, но с огромными раздутыми мышцами, схватился за тумбу и легко, словно пластмассовую, отодрал ее от стены. Оттуда пулей выскочил перепуганный Альфик и запрыгнул на руки умиленной Элен.

— Ты чего творишь, Томай? — возмутилась тетя Нина. — Оторвал тумбу, а как теперь умывальник будет?

Томай почесал затылок и обиженно посмотрел сначала на меня, потом на тетю Нину.

— Ну, вы сказали вытащить. Я и вытащил. Про тумбу вы ничего не говорили.

— Блин, теперь придется ремонтировать, — вздохнул я. — Очередные расходы.

Когда все наконец разошлись, я сурово посмотрел на тетю Нину и спросил:

— А вы в курсе, Нина Илларионовна, что на вашу руку и сердце появился претендент с серьезными намерениями?

Судя по лицу тети Нины, она была в курсе.

Тут я понял, что за спиной зреет заговор, и начал допрос.

— Замуж срочно приспичило, да? — спросил я, вложив в вопрос такое концентрированное ехидство, что аж сам поморщился.

Тетя Нина мужественно выдержала наезд, сделав вид, что вообще не при делах, даже и не представляет, зачем и кому он нужен, замуж-то этот. Затем для дополнительной иллюстрации неопределенно пожала плечами и посмотрела на меня честным-пречестным взглядом, а лицо ее при этом на всякий случай озарилось нежной улыбкой Джоконды.

— А Чепайкина это вы ко мне подослали? — предположил я.

Тетя Нина гневным фырканьем категорически отмела мои гнусные инсинуации, мол, я честная девушка, а не вот это все.

Я в ответ тоже пожал плечами и предпочел тему свернуть, раз так.

Но не тут-то было. Тетя Нина минуты три поизображала добропорядочную барышню, а затем, видя, что я переключился на Валеру и не реагирую, нетерпеливо дернула меня за рукав:

— А он-то что?

— Кто что? — не понял я, так как увлекся распеканием Валеры за бедного Альфика.

— Ну, Чепайкин что? — нетерпеливо повторила она.

— То есть вы таки его ко мне подослали? — прищурился я.

Тетя Нина тяжело вздохнула, словно Валера, застуканный за воровством кошачьего корма из случайно разорванной упаковки, и посмотрела на меня светлым взглядом Шрека.

— Ну, он завел разговор... а я ему сказала, что нужно сперва у Сергея Николаевича спросить...

— Зачем? — У меня глаза буквально на лоб полезли.

— Цену себе набивала, — честно призналась тетя Нина и опять не удержалась от любопытства: — Ну так что Чепайкин? Приходил?

— Приходил, — кивнул я, — все чин по чину, пришел просить руки, как и полагается...

— А ты что? — Тетя Нина покраснела, как пятиклассница, и аж хихикнула от такого невероятного развития событий, мол, классно же я придумала.

— А я не согласился и запретил, — ответил я.

— Как запретил? — охнула тетя Нина. — Как же это? Зачем? Мы же это... — Она окончательно сбилась и умолкла, ошеломленно уставившись на меня во все глаза.

— То есть вы, тетя Нина, замуж за Чепайкина таки хотите, — коварно подытожил я.

Она снова фыркнула и не ответила.

— Ну-ну, — сказал я.

— Почему сразу «ну-ну»? — возмутилась тетя Нина. — Нечего меня подозревать!

Я промолчал, лишь лукаво ухмыльнулся. И вывел этим тетю Нину из себя:

— Вот зачем ты сказал «ну-ну»? — прицепилась ко мне она. — Ты против? А, между прочим, из Морков только один Чепайкин за тебя в телевизоре вступился!

— Да нет, я просто так сказал «ну-ну».

— Нет, я же вижу, ты против, чтобы я выходила замуж! Я ведь столько лет одна. И тут нашелся вполне приличный человек. С образованием. Да, Чепайкин змий еще тот, да и с тараканами в голове, но он все-таки приличный, с домом, с хозяйством, да и сам справный, не выпивающий. Особо не выпивающий. И вот он предложил мне руку и сердце, чтобы я вышла замуж. И тут ты говоришь «ну-ну!».

Не успел я ответить, как на расчищенной нами с Элен дорожке показался сам вышеупомянутый змий Чепайкин. Он чинно шел и вел за собой... козу.

От такого демарша у всех присутствующих округлились глаза. В это время подошла еще и Элен, которая окончание нашей беседы прослушала с огромным интересом.

— Что это? — изумленно спросила она и указала рукой на Чепайкина с козой.

— Насколько я понимаю, коза, — задумчиво ответил я, — относится к отряду парнокопытных, подотряду жвачных, семейству полорогих. Если вас интересует более детальная классификация — класс млекопитающих, подтип позвоночных, тип хордовых...

— Да понимаю я, что это коза, — нетерпеливо молвила Элен. — Но зачем?

Я прекрасно знал зачем, но решил пока не комментировать. Казалось, и тетя Нина догадалась, потому что густо покраснела и не знала, куда деваться.

И тут змий Чепайкин подошел к нам и посмотрел на меня серьезным деловым взглядом.

— Я пришел, — сказал он солидным голосом, — и козу привел.

Для дополнительной аргументации он показал на животину. Продемонстрировал, так сказать, товар лицом. Коза была справная, с жирными белыми боками и огромным, раздутым волосатым выменем. Она потрясла своей бородатой головой и злобно заблеяла, глядя почему-то прямо на меня.

— Почему она блеет? — с тревогой спросила Элен. — Она агрессивная, будет сейчас нападать?

Я проигнорировал слова Элен и посмотрел на Чепайкина:

— То есть, для того чтобы я позволил ухаживать за Ниной Илларионовной, вы готовы предоставить мне козу в безвозмездное пользование? Правильно я понимаю? И осуществляете обмен при свидетелях? — И я указал на Элен.

— Абсолютно правильно, — подтвердил степенным кивком Чепайкин.

— Эх, а когда-то у бедуинов за женщину аж пятнадцать верблюдов давали, — не удержалась Элен, видимо, тоже любила подколки.

Тетя Нина густо покраснела и, не выдержав всего этого издевательства, заскочила в дом.

— А че это она? — спросил Чепайкин, который всю эту женскую хитромудрую стратегию вообще ни черта не понял.

— Ну, вы же сами знаете: испокон веков положено, когда сваты приходят в дом, девка должна стоять у печи и пальцем стенку ковырять, — пояснил я, стараясь выдержать серьезное лицо и не заржать. — Вот она и пошла традиции исполнять. У нас печь есть, правда, электрическая, зато с духовкой. Но тем не менее она дисциплинированно пошла ее ковырять.

— Да ты что! — восхитился Чепайкин. — Все по народным обычаям! Как завещали нам пращуры!

— А то! — подтвердил я.

А коза мэкнула.

— И куда мы эту козу девать будем? — спросила практичная Элен.

— Ну, я не знаю. Надеюсь, Нина Илларионовна куда-нибудь да определит, — ответил я. — Или Тайра Терентьевна что подскажет.

— Это уже меня не касается, — прыгнул змий Чепайкин, а потом хитро посмотрел на меня и добавил: — А ведь такое дело и промочить надо?

— Согласен, — сказал я. — Только у меня здесь ничего еще нет...

— У меня зато есть бутылочка ликера, — торопливо сказала Элен, которая очень хотела быть полезной, быстренько метнулась к себе и вынесла небольшую бутылочку какого-то супердорогого брендового пойла. — Ликер смородиновый, — сказала она, — мне его из Люксембурга передали. Очень люблю такой.

— Ну давай, — со вздохом согласился Чепайкин, — раз самогона нет, сойдет и настойка из Люксембурга.

Я налил полную рюмочку, которую умница Элен предусмотрительно захватила вместе с ликером, и протянул Чепайкину.

— А вы?

— А мне нельзя, я на работе, — отмазался я. — И Элен нельзя, она лечится.

Элен угрюмо кивнула, но перечить не стала.

— Ну, тогда за все хорошее, — сказал Чепайкин свистящим шепотом, бахнул рюмочку и одобрительно причмокнул. Коза опять мэкнула.

Когда тетя Нина вернулась, бутылка с ликером уже перекочевала к Чепайкину, и тот стоял на крыльце и с независимым видом посвистывал, разглядывая заснеженные лесные пейзажи по сторонам.

— У себя во дворе свисти, ишь, свистун нашелся какой! — всплеснув руками, возмутилась тетя Нина, так как все еще переживала, что за нее привели всего лишь одну козу, аж перед людьми стыдно.

— Хотел втиснуть — пришлось свистнуть! — подмигнул ей мигом захмелевший Чепайкин и радостно хохотнул от собственной шутки.

— Ты смотри на него! — возмущенно замахала руками тетя Нина. — Насвисти мне тут, насвисти! Вот сейчас свисток обломаю, и как миленький отсюда вылетишь!

Она схватила метлу, заодно шугнув выглянувшего на шум из дома Валеру, и замахнулась на Чепайкина, который, гоготнув, как конь, резво ломанулся к воротам санатория. Следом по инерции выбежала тетя Нина, а потом подтянулись и мы с Элен.

— Чего это он так? — не понял я.

— Это все смородиновая настоечка, — пояснила Элен. — С виду ерундовая, а с ног валит только так. Крепкая очень.

Я усмехнулся. Судя по гневным воплям, которые долетали со стороны ворот, процесс обручения брачующихся шел полным ходом.

— Что мне дальше делать? — спросила Элен.

— Да, точно. Я же должен был дать вам задание, — сказал я. — Сейчас мы пообедаем. Потом у вас два часа будет послеобеденный сон. Но обед только через час, а до этого времени вы понемногу начнете и, если я не вернусь из администрации быстро, продолжите и после сна выполнять мое первое задание.

— Какое? — Глаза Элен заинтересованно блеснули.

— Очень простое. Вот смотрите.

Я махнул рукой в сторону отдаленной просеки, где в ограде была видна довольно большая прореха. Забор был деревянным с этой стороны, и, видимо, во время какой-то грозы деревья повалило, а часть штакетника снесло. Мусор оттуда уже унесли, но прореха так и оставалась.

— Видите, там где-то метров пятьдесят. Вы должны из снега делать кирпичи. Или шары. Примерно как для снеговика — такие вот круглые огромные снежки, как в детстве. И вот эту прореху нужно полностью закрыть снегом — чтобы по высоте было на уровень забора. Затем, когда вы это сделаете, мы еще снегом выровняем и затем зальем водой.

— И что, никто не сможет из леса прийти? Какая ерунда! — всплеснула руками Элен. — Зачем это? Не проще ли починить забор? Когда потеплеет, снег же весь растает. Это лишняя работа, глупая и ненужная. А нормально починить забор можно буквально за пару часов. Если у вас нет стройматериала, я сейчас скажу Прохору Евграфовичу, он подвезет.

— Не в том дело, — покачал головой я. — Забор легко можно сделать, сетку натянуть, более того, эта дырка никому не мешает. Но так вы будете делать снежки, катать их. Это отличная работа для всех групп мышц, причем работа на природе со снегом, то есть влияние на организм небольших порций холода. Плюс — целебный лесной воздух. Вот это все очень полезно. Холод тренирует терморегуляцию, укрепляет иммунитет, снижает риск простудных заболеваний в несколько раз. Катание снежков укрепляет нервную и сердечно-сосудистую системы, улучшает обмен веществ, повышает работоспособность и помогает справляться со стрессом. Более того, контраст температур заставляет сосуды то сужаться, то расширяться, что повышает их эластичность, нормализует артериальное давление и улучшает кровообращение. А холодные процедуры увеличивают выработку норадреналина и эндорфинов, что снижает уровень стресса и симптомы депрессии, улучшает сон, а также повышает упругость и эластичность кожи, ускоряя регенерацию. И вы завтра же сами увидите, что совсем по-другому начнете себя чувствовать. А чтобы не катать зря эти снежки, вот вам цель: вы должны за сегодня-завтра закрыть всю эту прореху полностью.

— Очуметь, — растерянно хмыкнула Элен, а затем вдруг задорно улыбнулась.

— Только переоденьтесь, — добавил я строгим голосом. — А то эта ваша дорогая шубка в снегу вся промокнет. Если есть у вас лыжный костюм или что-то подобное, было бы хорошо. Если ничего нет — я могу у тети Нины спросить...

Элен задумчиво кивнула и отправилась исполнять мое поручение.

А я прошел за здание санатория, к котельной...

...и остановился.

Один из работяг курил, привалившись спиной к кирпичной кладке, и я даже не сразу понял, что с ним что-то не так. Мужик был молчаливый, из тех, кому и десяти слов за день хватало с избытком, так что молчание его ничем особенным не выглядело.

Но руки выдали: он держал сигарету двумя пальцами, и они мелко подрагивали.

Глава 3

Пытаясь понять, что с ним не так, я сфокусировался на лице мужика, над ним всплыла системка:

Сарман Япаров, 33 года

— Перекур? — спросил я, хотя и так было видно.

Сарман кивнул, но даже не посмотрел. Похоже, мужик он, как и все в бригаде Япара, нелюдิมый. Но что-то с ним явно было не так, и я просто не смог пройти мимо. Причем вряд ли дело в работе, потому что, привалившись плечом к кирпичной кладке, я заметил, что рабочие все-таки умудрились раскошегарить эту несчастную котельную.

Его беспокоило что-то другое. Причем сильно.

— Случилось что, Сарман? — поинтересовался я.

Видимо, то, что я знал имя, его приятно удивило, потому что мужик отнекиваться не стал.

— Да, Сергей Николаевич, — сказал он, продолжая хмуро разглядывать дальние березы, — вопрос один дурацкий есть.

— Так тебе повезло, Сарман! Сегодня я по дурацким вопросам дежурю. Валяй.

— Вы же доктор?

— Вчера еще был, пока не уволили...

— Сергей Николаевич! — возмутился Сарман. — С этим Ачиковым еще разберутся! Вы и есть доктор, а он хрен с горы!

— Ну ладно, ладно, — улыбнулся я. — Я доктор. Что тебя беспокоит? Поясница?

— Не, — скупно усмехнулся Сарман. — Совсем другое.

Он шумно и глубоко затянулся, после чего выпустил дым через ноздри. Потом затушил окурок о ботинок и спрятал в спичечный коробок. Видимо, у них в бригаде было не принято мусорить на объекте. Тем более там, где растут священные деревья.

Я терпеливо ждал, давая ему время собраться с духом.

— Бывает так, что человек знает, что ему плохо, а все равно к этому тянет? — задал он неожиданный вопрос.

— Бывает, — кивнул я. — Это в общем-то норма, Сарман. Понимаешь, наш мозг, собака такая, привыкает к определенному уровню чего угодно — хоть боли, хоть стресса, хоть кайфа, а когда это пропадает, начинает искать снова.

— А собака-то почему? — усмехнулся он.

— Да он просто привычное ищет, как собака спрятанную кость.

— То есть, если у меня на душе болело, значит, мой мозг по боли скучает? — хмыкнул Сарман.

— Получается так, а вместе с ним и ты.

Помолчав, он машинально закурил еще одну сигарету и, выдохнув облачко дыма, сказал:

— Понимаете... я... короче, развелся я три месяца назад.

Вот оно в чем дело. В таких случаях я обычно не спешил со словами, потому что болтовней тут не поможешь, а на мои советы Сарману плевать, ему бы выговориться чужому человеку для начала. Да и фигово звучит «сочувствую», а «бывает» — еще хуже. Так что я просто встал рядом и приготовился слушать.

— Короче, пять лет вместе с Лариской мы прожили, — начал Сарман монотонным, словно неживым, голосом. — Пацан у нас, Колясик, четыре года вот на днях ему только исполнилось. И еще от первого брака у меня есть Русланчик, ему одиннадцать. Ну, начало было

хорошее, но потом заметил, что Лариска грызть начала маму мою, да и Русланчика покусывала. Все ей не так было. Я думал, ладно, ничего, стерпится. Хрен там! Начала и меня пилить, и с каждым днем все хуже только становилось.

— Ну, вот так оно и работает, Сарман, — ответил я. — Когда человек чем-то сильно недоволен в жизни, он ищет, на кого излить это свое недовольство. У твоей Ларисы так и произошло. Сначала свекровь, которая не живет рядом, а потому в самый раз. Потом этого стало мало, и она выбрала целью твоего старшего сына. Эта цель была уже ближе, но все равно чужая, а потом остался только ты.

— Вы это откуда знаете?

— Люблю слушать чужие истории. Я же врач. Плюс опыт. Так какой была твоя реакция на Ларискины демарши?

— Э... — поморщившись, протянул он. — Ну, я, короче, когда она орать начинала, сначала пытался чета ответить, но потом тупо забил, потому что ей, походу, нравилось меня драконить, она от этого какое-то удовольствие получала, а я, наоборот, чуть не волком выл, так меня колбасило. Так что научился молчать. Проще было в телефон уйти, видосы позырить или вообще на рыбалку свалить дня на два-три.

— И что, стало проще?

— Нет, — покачал он головой, шумно выдыхая табачный дым. — Хуже только стало.

— Общение — штука подлая, тупиковая. Один молчит, а второй от этого кричит сильнее, потому что пытается расшевелить, задеть и вытащить на разговор. А первый после этого вообще замыкается, и на каждом круге ссоры давление в котле растет, пока клапан не вылетит, а клапаны вылетают по-разному, ты уж поверь, Сарман. У кого-то скандал на всю деревню, только щепки летят, а родня и друзья пытаются помирить, у кого-то инфаркт в сорок два, а кто-то подает на развод. Я видал все три варианта, ни один не советую.

— У нее, короче, был четвертый... — помолчав, глухо проговорил Сарман, после чего ожесточенно загасил бычок и спрятал в тот же коробок. — Какой-то коммерс из Йошкар-Олы при бабле. Цепочку ей золотую купил, гад, айфон новый...

— Как ты узнал? — спросил я, провожая взглядом Элен. Моя пациентка переоделась в итальянский лыжный костюм и бодро пошла лепить кирпичи из снега. Увидев меня, приветливо помахала рукой.

— А обед? — крикнул я. — Элен, я же сказал после обеда и тихого часа!

— Да я просто прикину фронт работ! — отмахнулась та, аж пританцовывая от нетерпения.

— Да понятно, что Лариска отмазалась... — словно ничего этого не видя и не слыша, зло сказал Сарман и выругался. — Типа телефон в кредит взяла, а золотая цепочка вообще от бабушки досталась, только я переписку ее нашел. Она на свой рабочий комп телегу вывела, а когда в ванную ушла, комп остался открытым. Там и прочел... Только знаете что, Сергей Николаич? Думаю, она вообще даже не пряталась особо. Потому что, если не хочешь, чтобы узнали, переписку удаляешь. А она ниче не удаляла.

— Это, кстати... — Я запнулся, решая, стоил ли говорить, но в итоге сказал: — Это даже важнее, чем сама измена, — что не прятала и не удаляла.

— В смысле?

— В том смысле, что одно дело, когда человек оступился, испугался и начал замечать следы, да еще и виноватит себя, пытается хотя бы косвенно извиниться. Другое, когда человеку все равно, узнаешь ты или нет. Тогда проблема уже не в том, что она изменила.

— А в чем?

— В том, что ты прав. Тебя к этому моменту в ее картине мира давно не было.

Сарман вздрогнул, его лицо перекосило, после чего он снова долго молчал. Наконец закурил очередную и с полминуты просто топтал снег сапогом ровно в одном и том же месте, продавив там ямку.

— И что дальше, Сарман? — напомнил я о себе.

— Короче, я когда ее к стенке прижал, призналась спокойно. Как будто больно хотела сделать, не знаю, в общем, ни капли ей стыдно не было. Собрала вещи, забрала Колясика и ушла. Уехала в Йошкар-Олу. Я, дурак, вернуть ее еще пытался, олень, а она мне: «Измени себя, и я вернусь. Добейся меня, если любишь».

Я чуть не заржал, услышав эту фразу, потому что доводилось ее слышать в той или иной интерпретации от множества людей, рассказывавших свои истории разрыва. Но смешок я усилием воли сдержал, просто хмыкнул вслух, а Сарман посмотрел на меня так зло и жалобно, что я извинился, а потом пояснил:

— Видишь ли, Сарман, человек, который предлагает тебе его «добиться», совершенно не ждет, что его добьются. Лариска твоя снова вышла на рынок и сказала тебе такое, чтобы у нее всегда оставался запасной аэродром, чтобы ты стоял в очереди и не сорвался с крючка, пока она сравнивает варианты.

— А как же любовь? — прошептал он.

— Как-как, — проворчал я. — Каком кверху! Нет там у нее никакой любви уже, максимум привычка. Да и у тебя тоже, что бы ты там сам себе ни надумал. Это как с твоими сигаретами — бросал когда-нибудь?

— Было дело, не смог.

— Ну, вот тут та же ерунда. В тебе выработалась зависимость. Чтобы с нею покончить, нужно дать себе очиститься.

Ничего не ответив, Сарман топнул по своей ямке еще раз и как-то совсем тоскливо посмотрел в небо.

— Плохо мне без нее, короче, Сергей Ник... — он проглотил ком в горле, — ...колаич. И без Колясика плохо.

— Значит, все-таки хочешь ее вернуть? — спросил я. — Или дело в сыне?

— Не знаю, честно не знаю! Головой понимаю, что если один раз обманула, то это точно повторится. Да и в остальном... По сыну — да, скучаю, но тут она не против, чтобы я забирал его к себе на выходные, встречался. Вот отработаем тут у вас в санатории, и рвану к ним. Но по Лариске... Доктор, я вот телефон постоянно проверяю, смотрю, звонила или нет, а может, написала что, боюсь пропустить...

— Так в этом никакой загадки. Тело твое за пять лет привыкло, что Лариса рядом, а привычка ведь не разбирается, хорошо было или плохо. Просто помнит все вперемешку: как она смеялась, как сына на руках качала, как утром кофе варила, как спали вы вместе и как ты ее целовал. А мы уж так устроены: чтобы остаться в здравом уме, плохое забываем, а хорошее, наоборот, приукрашиваем. Вот по этой хорошей памяти тело твое и скучает. Умом-то ты знаешь, что была еще и другая половина: хай-вай, скандалы, измены, — но тело эту память вытеснило, потому что так ему проще жить. Вот потому в твоих чувствах такая каша.

— То есть на самом деле я по ней не скучаю? — вроде бы воспрял Сарман.

— Я тебе прямо скажу, мужик. Скучаешь ты по хорошему. Было же и такое? Особенно поначалу? Так вот, это ты по передышкам вашим скучаешь, которые случались между боями, по моментам перемирия на бесконечной войне. Уяснил? А это разные вещи.

Кивнув, тот достал очередную сигарету, посмотрел на нее... и убрал обратно в пачку.

— А Колясик? — спросил он.

— А что Колясик? Он же твой сын! Значит, любит тебя?

— Конечно! — возмутился Сарман.

— Вот. А значит, и ты ему нужен и уходить из его жизни ни в коем случае нельзя... — вспомнив своего Сашку, сказал я. — Но это не значит, что тебе обязательно нужно снова сойтись с Ларисой. Коле, ты уж поверь, на фиг не сдались ваши скандалы. Дети слышат не слова, а ощущают обстановку. Если мама и папа грызутся, а потом дружно мило ему улыбаются, он понимает, что взрослые врут. Если папа живет отдельно, но приезжает по субботам и не придумывает ничего, ребенок учится, что жить можно по-разному и все равно оставаться нормальным человеком. И лучше он тебя будет видеть раз в неделю, но в хорошем настроении, чем каждый день, но озлобившегося и ненавидящего самого дорогого для него человека — маму.

В этот момент на крыльцо вышла тетя Нина, причем к ее ноге словно привязался Альфик, и позвала меня:

— Сергей Николаевич! Обедать!

— Гав-гав! — тявкнул песик. Видимо, в отсутствие Элен Альфик только в тете Нине видел свою защитницу и в связи с этим выказывал уважение.

— Что? — крикнул я.

— Я щи сварила, только не капустные, а щавелевые. Из сушеного щавеля. Идем обедать!

— Сейчас приду, тетя Нина, — отмахнулся я.

— Да ну тебя! — расстроилась она. — Остынут же!

— Гав! — согласился с ней Альфик.

И оба ушли.

Сарман протянул мне руку и сказал:

— Спасибо. Вроде как отпустило даже... — И улыбнулся.

— Да обращайся, если нужно будет поговорить... И да, я тебе сейчас еще одну вещь скажу, — сказал я, хотя собирался уже уходить. — Самое опасное сейчас — это к ней вернуться. Нет, не потому что она тебе изменила или она какая-то плохая. Просто из того, что я услышал, видно, что она не твой человек. А ты не ее. Вот и все. Вы не два сапога пара. Так бывает. Да, над отношениями нужно работать, и это работа серьезная, но иногда смысла в ней просто нет. Это, знаешь, вроде как отвертка, которая не подходит конкретно к этому винту. Вот и все.

— А долго это... все... ну, на душе болеть будет? — спросил Сарман.

— Да ничего у тебя уже не болит, просто привычка. Нам потерять привычное страшнее, чем терпеть плохое. Это не слабость, дружище, это у всех так. Физиология.

— Откуда ты это все знаешь, а, доктор? — впервые перешел он на ты.

И тут я понял, что ток-шоу с моим участием он, видимо, не смотрел. Ну да, влияние телевизора в век интернета резко снизилось.

— У меня жена умерла четыре года назад, — подумав, сказал я, не став объяснять детали. — Потерял и ее, и ребенка. А после этого бухал так, что... В общем, жить не хотел, умирать было лень. А вытащила меня из этого дерьма работа. Когда руки заняты, и мозг занят, страдать времени нет. А там глядишь, и нет никакой тоски уже, утихла, и уже начинаешь посматривать на других девушек. Понял?

— Понял, — широко улыбнулся Сарман и снова крепко пожал мне руку.

Это было все, что он сказал, но эмпатический модуль подтвердил, что он действительно осознал и успокоился, а не просто поддакнул.

Когда я направился в здание, оттуда донесся аппетитный запах щей и еще чего-то вроде жареного лука и чеснока. У меня аж потекли слюни, а в животе оглушительно заурчало.

Но стоило только представить, как я сейчас с аппетитом буду все это уплетать, как зазвонил телефон.

— Здравствуй, Татьяна, — строго сказал я, давая понять, что времени на долгие разговоры у меня нет.

— Да я быстро, Серега! — затарахтела она. Здороваться не стала, недавно только говорили про ремонт. — Слушай, у Степки-то чего было, я просто обязана тебе рассказать!

— Ну так рассказывай.

— Прикинь, приносит мне дневник, а там двойка по изо. Я как увидела, типа, Степка, троглодит, ты чем думал, ты почему учительницу не слушаешь! Ну, как всегда, нужно же как-то реагировать, а то это что получается, он двойки носить мне будет, а я его по головке гладить?

— И?

— И он, значит, надулся, свалил к себе в комнату и сидит там сопит. А я стою посреди кухни с этим дневником и вдруг думаю: «Тань, ты вообще нормальная? Это ж рисование! А у тебя сын на самбо ходит, бегло читает, наизусть знает таблицу умножения, а ты из-за какой-то кривой черепашки... они там черепашек рисовали, — пояснила Танюха, — скандал устроила. Ну и дура! Это же двойка по изо, кому оно на фиг сдалось, когда щас все нейросети рисуют! Зато по жизни у Степки — твердая пятерка!» Вот. И типа прям как выключатель внутри меня щелкнул, прикинь, Серега!

— Молодец, — вполне искренне похвалил я подругу.

— Правда?

— Конечно, потому что права на сто процентов, — объяснил я. — Не про изо и нейросети, умение рисовать тоже полезно, а в целом. Вообще, вот то, что ты сама поймала себя на перегибе, дорогого стоит. Не каждый так умеет, ты уж поверь.

— Ой, ну спасибо, Сережа, — довольно засопела в трубке Танюха. — О, а я вот еще чего хотела рассказать. Помнишь Маринку Гусеву, клиентку мою?

— Смутно, — признался я, потому что Маринок у Танюхи, по моим прикидкам, было уже не меньше четырех. И ни об одной Гусевой я пока не слыхал. Значит, пятая.

— Ну, неважно. Короче, она мне за три уборки не заплатила, прикинь! Это, между прочим, пятнашка. Я к ней в пятницу прихожу, говорю, типа, Маринка, у нас долг накопился. А она мне: «Ой, Танечка, сейчас не могу, муж зарплату задержал, на следующей неделе точно». Я такая: «Так ты это уже два раза говорила». А она: «Ну ты же понимаешь, жизнь такая». И я, дура, ушла. Опять.

— И что ты себе сказала? — спросил я, понимая, что эта история не про Маринку, а про еще одно Танюхино прозрение.

— А знаешь, — мечтательно протянула Танюха, и я прям почувствовал, как она улыбается, — я прям красиво себе все это объяснила. Типа, зато теперь точно знаю, что с ней больше не буду работать. И все. Жизнь научила, опыт, все такое. Отрицательный результат — тоже результат. И всем своим передала, что с Гусевой работать нельзя, обманет.

— Тань, ну а с пятнашкой что?

— Ну... нету. Но зато я...

— Подожди, — остановил я ее, стараясь не дать ей разогнаться. — Со Степкой ты сделала взрослую вещь: остановилась, посмотрела на ситуацию заново, перестала орать из-за ерунды. Тут все правильно. А с Маринкой — ровно наоборот. Тебя кинули на деньги, а ты, вместо того чтобы их вернуть, объяснила себе, что это тебя вселенная воспитала. Что за бред, Татьяна?

— Ну я ж говорю: урок...

— Тань, урок — это когда ты сделала что-то по-другому! — перебив, возразил я. — А когда тебя обокрали, а ты решила, что тебя воспитала вселенная... Ну е-мое, Тань, это, как приглашение кинуть тебя еще раз.

Танюха засопела и рывкнула:

— Да ну тебя! — рыкнула она. — Все ты вечно портишь, Серега! А я тебе еще ремонт делаю!

— Да погоди ты обижаться, — отмахнулся я. — Напиши ей претензию. Просто в телегу или эсэмэской, четко напиши: дата уборки, сумма, срок оплаты. И добавь, что, если не заплатит до конца недели, напишешь плохой отзыв в ваш чат клинеров.

— Ладно, так и сделаю, — сказала Танюха и попрощалась. — Ладно, пока, а то мне Степку еще кормить.

Я сунул телефон в карман, размышляя.

Только что я объяснял Сарману, что мы так ценим стабильность, что готовы терпеть плохое, лишь бы не вляпаться в неизвестное. И Сарман, кажется, что-то из этого услышал.

А следом позвонила Танюха и, по сути, рассказала то же самое, только в других декорациях. Со Степкой у нее случилась нормальная рабочая переоценка ситуации — остановилась, перестала орать, посмотрела на происходящее по-новому. А вот с Маринкой — кривая, но красивая обертка вместо действия. Жизнь научила, вселенная преподала урок, ценный опыт и прочая ерундистика. А денег как не было, так и нет. Но я ей вроде бы помог с этим разобраться.

Но вот что у меня самого с этим?

Я немного опечаленно вздохнул, потому что санаторий, аспирантура и помощь близким — это, конечно, здорово, но я ни на шаг не сдвинулся в понимании того, зачем все это.

Система, мое перерождение, вселенское инфополе... В чем смысл?

Но потом мой нос снова учуял сногшибательный аромат щей и чего-то жареного, и я сделал переоценку: может, как раз таки в этом и есть смысл? Просто жить и любить жизнь?

Глава 4

Уже к вечеру, оставив санаторий на своих помощников и партнеров, я направился прямо в больницу. Надо было решить основные дела, которых накопилось уже более чем достаточно.

Первым делом я попросил Лиду найти мне Александру Ивановну. Та теперь находилась в небольшой подсобке, потому как даже кабинетом это я бы мог назвать с трудом. Конечно, у нее и так бывший кабинет не вполне соответствовал должности главврача. Но теперь так вообще какая-то микrokладовочка.

— Здравствуйте, Александра Ивановна, — сказал я, постучав и входя. — Не помешаю?

— Добрый день, Сергей Николаевич, — в тон ответила она. — Чем же вы мне можете помешать? Заходите, конечно.

По уже начавшей складываться привычке я задержал на женщине взгляд, и над ее головой развернулась плашка:

Александра Ивановна Чемышева, 55 лет

Прозвище: Сашуля.

В этот момент я вдруг увидел в этой крупной женщине высокую и стройную синеглазую красавицу, только поступившую в мединститут, которую все ласково называли Сашуля не из иронии или злобы, а потому, что именно такой она и была. Сашулей. Сашенькой.

Словно почувствовав что-то, Александра Ивановна смутилась и отвернулась.

А может, дело в ее новом кабинете.

В тесной комнатке помещался только небольшой стол, куцая кушетка и один стул, на котором и восседала хозяйка. Вместо шкафа, где обычно должны храниться вещи, было несколько сиротливых полок и колченогая вешалка. Даже электрочайник, который обязательно был во всех кабинетах, но его старались прятать в шкафу, сиротливо притулился на подоконнике. Так как сесть мне было негде — второго стула здесь не наблюдалось, я опустился на кушетку.

— А что это вы тут спрятались? — сказал я и тут же пожалел о том, что ляпнул.

Александра Ивановна вспыхнула и потупилась.

— Да вот, две недели отрабатываю, — тихо сказала она. — Осталось еще восемь дней. А потом на пенсию.

— Понятно, — протянул я. — А вы уже решили, чем будете дальше заниматься?

Она посмотрела на меня с какой-то отчаянной решимостью и сказала:

— У меня единственная надежда, что устроюсь работать к вам в санаторий... Дома сидеть я не смогу. Да и дорого нынче дома сидеть, пенсия-то совсем крошечная будет...

Она немного помолчала, а потом все-таки закончила фразу:

— Если вы меня, конечно, возьмете к себе.

— Разумеется, возьму, — успокоил ее я. — Более того, я вот почему вас сейчас отвлекаю от работы: хотел предложить уже потихоньку начать.

— Да? — с радостным изумлением переспросила Александра Ивановна.

— Ну, вот как-то так, — развел руками я. — Конечно, работы сейчас особо еще нет. У нас всего одна пациентка, но с ней уже надо начинать. Вы говорили, что хорошо делаете иглоукалывание?

— Да, — кивнула она, тщетно пытаясь замаскировать щенячий восторг в глазах.

— А иглолки у вас с собой есть или надо где-то приобретать? И какие?

— У меня есть и аппарат Горячкина, и иголки, и микросвечи — все, — просияв, сказала Александра Ивановна. — Единственное, что честно скажу: нет у меня магнитофона, чтобы музыку расслабляющую включать.

— Ну, это ерунда, — отмахнулся я. — Пока можно и без музыки обойтись, а потом и на ноутбуке включить.

— Так у меня и ноутбука нет, — усмехнулась Александра Ивановна и спросила: — А когда можно начинать?

— Да хоть бы сегодня вечером, но лучше завтра.

— Но вы учтите, Сергей Николаевич, я всю неделю на работе до пяти.

— Это вообще не проблема. Я могу вас после работы возить в санаторий, чтобы вы ставили иглы, а потом обратно отвозить домой.

— А у вас там устроиться и пожить где-нибудь можно? — тихо спросила Александра Ивановна неуверенным голосом и вскинула на меня вопросительный взгляд.

— А что, Ачиков уже из дома выгоняет? — без обиняков спросил я.

Александра Ивановна густо покраснела, а затем, не глядя мне в глаза, медленно кивнула:

— Да, есть такое.

— Но дом же ваш.

— Он-то мой. Но, во-первых, я завещание на Сережу написала, давно уже. А во-вторых, он там ведет себя как хозяин. Он изменился... очень сильно. После всего вот этого я просто морально не могу там находиться. А воевать с ним не хочу. Все-таки родная кровь.

— Хорошо, Александра Ивановна, — сказал я. — Тогда это даже улучшит ситуацию: не надо будет вас обратно постоянно возить. Давайте соберите самые необходимые вещи, и я вас отвезу в санаторий прямо после работы. У нас в большом флигеле несколько комнат уже отремонтированы. Если вас не будет смущать отсутствие ряда бытовых удобств, временное, конечно же, то в принципе для вас найдется отдельная комната, а в ней кровать, стол и стул. Шкафов пока еще нет. И на кухне мало что имеется: зато тетя Нина нам всем готовит. И туалет внутри, теплый. Мы все живем пока в одном флигеле: и врачи, и обслуживающий персонал, и наша пациентка. Как сейчас модно говорить, у нас стартап.

— Вот и отлично. — Александра Ивановна улыбнулась так, что аж вся засветилась от радости. — Сергей Николаевич, а можно я прямо сегодня и перееду? И вечером сделаем первый сеанс иголок.

— Да, конечно, можно, — кивнул я. — Только с пациенткой сами договаривайтесь, сколько все это будет стоить. Потом, когда количество пациентов увеличится, большая часть оплаты пойдет в фонд санатория, но остальное сотрудники будут, помимо зарплаты, получать и в свой карман. Конкретно, какой процент это будет, пока не скажу, посчитает наш финансист.

— Это правильно, — задумчиво кивнула Александра Ивановна и пристально посмотрела на меня. — А когда вы примерно планируете запускать это все?

— Ох, — вздохнул я. — Пока все еще очень зыбко и неопределенно, но... с другой стороны, все так резво задвигалось, что, вполне может быть, к концу зимы мы уже официально заработаем.

— Ну, подождите причитать, Сергей Николаевич, — нахмурилась Сашуля. — Вы же сказали, что у вас уже работает тетя Нина. Это я, насколько понимаю, Андреева? Которая санитаркой в Чукше была?

Я кивнул.

— Так вот, как вы упоминали, она уже готовит на весь небольшой коллектив. Насколько я понимаю, у вас там работают те, кто делает ремонт, и, видимо, кто-то убирается и так далее. Плюс вы. Плюс ваш юрист. И финансист. Еще буду я. А штатного расписания у вас еще даже нет. Я понимаю, что у вас оно еще не утверждено, но штатное нужно, хотя бы временное. У вас

оно должно быть в обязательном порядке, Сергей Николаевич, иначе как вы с людьми будете потом рассчитываться?

— Да мы вроде все на доверии, — с улыбкой пробормотал я. — У нас команда.

— Это хорошо, что команда, — хмуро кивнула Сашуля, которая явно не повелась на мою улыбку, — но вы же не маленький и должны понимать — нет ничего постоянного. А не дай бог конфликт какой-то произойдет? Что вы делать будете? По судам же потом затаскают.

Она осеклась, явно вспомнила ток-шоу, а я только скрипнул зубами. Ну ведь права она! Как я доверял Ирине и Михайленко, а что в итоге вышло? Нет, доверие доверием, но нам действительно пора все формально закрепить, и тут мало будет участия Наили и Евы, здесь не помешает экспертиза такого опытного администратора, как Александра Ивановна.

Каюсь, честно говоря, я об этом даже и не подумал. Я же ученый, всю жизнь занимался исключительно наукой и медициной, двигал проекты, методики, выполнял гранты и так далее. А организационной деятельностью практически не занимался. У меня всегда были хорошие ученики, очень толковые, а также помощники. К примеру, была помощница Олечка, которая всю нагрузку, в том числе взаимодействие с клиентами, брала на себя. Я даже не заморачивался с этим: и оплату она с ними проводила, и организационные моменты решала, напоминала о мероприятиях, и мне в том числе. Поэтому я уставился сейчас на Александру Ивановну с видом ослика Иа, когда перед ним поставили пустой горшочек с лопнувшим шариком, и печально вздохнул:

— И что мне делать?

Замечательная идея с санаторием вдруг перестала казаться такой уж распрекрасной.

Александра Ивановна мигом подобралась, и тут передо мной возникла не растерянная немолодая женщина, а та акула врачебного дела, которую я увидел в первый день, когда приехал в Морки.

— Предоставьте все это мне, — решительно сказала она. — Я сегодня же составлю штатное расписание. Это раз. Пусть и временное, но оно будет. Постепенно, недели за полторы-две, я вам сделаю уже общее штатное, чтобы вы могли ориентироваться, каких специалистов нужно подбирать, а какие уже есть. Далее расписание будет распространяться и на обслуживающий персонал.

— Отлично, — восторженно сказал я. Разве что в ладоши не захлопал, обрадованный тем, что получил не только хорошего иглорефлексотерапевта, но и такую толковую помощницу, возможно, даже заместителя.

— Рада, что могу помочь, — улыбнулась она с довольным видом.

— В общем, договорились. Тогда скажите, когда вас забрать в санаторий. Или вы уже свободны?

— Нужно еще вещи сложить, — покачала головой Александра Ивановна. — Вы не могли бы подъехать ко мне домой, чтобы я сумки сюда на спине не тащила?

— Да, конечно, без проблем. А по какому адресу?

Она продиктовала мне адрес, и это действительно было рядом с домом Фроловой. Те места я хорошо знал.

— Хорошо, во сколько мне приехать?

— Ну, давайте где-то к семи, — прикинув что-то в уме, сказала Александра Ивановна. — Я соберу, правда, не все вещи. Часть возьму, а потом уже постепенно посмотрю, что да как. Надеюсь, Сережа остальное в мое отсутствие не продаст. — Она грустно хохотнула и оборвала саму себя.

«Сережа» — это она про Ачикова. По всей видимости, он для нее всегда будет тем мальчиком, которого она приютила и поддержала в трудную минуту. Усыновила, по сути.

Договорившись с Александрой Ивановной, я вышел из ее кабинета, еле сдерживаясь, чтобы весело не посвистывать. Сейчас мне предстояло заглянуть в отдел кадров, чтобы решить

вопрос с трудовой книжкой. Кроме того, я планировал увидеть Фролову, потому что одно дело созваниваться по поводу Борьки, и совсем другое — поговорить нормально. Ну и хорошо бы увидеть Венеру, потому что с ней вообще вопрос как-то подвис в воздухе.

Сперва я отправился в отдел кадров. Вопрос по моему увольнению решил очень быстро: чтобы не поднимать всякие акты и так далее, я написал, что увольняюсь по собственному желанию. Пока разговаривал с кадровичкой, та сбегала к Ачикову, тот подмахнул заявление — и на этом все, свободен.

— Сергей Николаевич, у вас еще какие-то дела здесь есть? — посмотрела на меня женщина, работавшая в отделе кадров (фамилию я не запомнил).

— Да, в принципе, хотел еще кое-кого увидеть, — пожал плечами я. — А так — и нет никаких больше дел.

— Ну, тогда погуляйте где-нибудь часика два, потом сюда загляните. Мы как раз приказ сделаем и вместе с трудовой книжкой вам отдадим, — попросила она. — Потому что, видите, мы не думали, что вы сейчас придете, Сергей Кузьмич тоже нам ничего не сказал, и мы ничего не подготовили.

Договорившись, я уточнил:

— А что же будет с амбулаторией в Чукше?

— Пока ничего, там числится Венера Тумаева, поэтому амбулаторию не закрывают. За это время кого-то должны на замену найти. Или же она обратно вернется.

Я понимал, что это тоже не выход, поэтому пошел повидать Венеру.

— А где Венера Эдуардовна работает? — спросил я в регистратуре.

— Вообще, в отделе женской консультации. Но сегодня ведет прием в поликлинике, — сказала мне полная медсестра, которая перебирала карточки. — Заболела наша Катенька, она у окулиста медсестрой, и Венеру попросили пока посидеть на ее месте, потому что Алексей Павлович не справляется. Возраст, сами понимаете. Загляните в кабинет номер четырнадцать.

— Спасибо, — поблагодарил я и отправился в поликлинику.

Поликлиника и больница находились в одном здании, просто в разных крыльях. Можно было пройти через улицу, но так как там дул сильный ветер и стоял мороз, я пошел через всю больницу. Когда добрался до поликлиники, оказалось, что у четырнадцатого кабинета собралась небольшая очередь, и я, чтобы не мешать, сначала заглянул в тот кабинет, где работал раньше: уж больно мне было интересно, кто вместо меня ведет прием.

И увидел я там совершенно незнакомую женщину. Не знаю, кто она. Очевидно, пригласили нового хирурга. Надо будет расспросить у Лиды. Уже поздоровавшись, я решил не отвлекать врача и вышел в коридор, раздумывая, к кому сейчас идти в первую очередь: искать Фролову или же поговорить с Лидой. С ней я тоже хотел пообщаться, обсудить некоторые вопросы.

И тут увидел в коридоре Йолагая Эркина — того самого мужика из Кужмары с «мужскими трудностями», которого отправил на обследование из-за проблем с сосудами.

— Здравствуйте, Сергей Николаевич, — разулыбался он. — А я к вам, как вы и говорили, на проверку. Вот и анализы все собрал.

— Ну да, на проверку, контроль анализов, — пробормотал я. — Все верно, сегодня же шестнадцатое декабря.

— Вы мне сказали подойти, чтобы проверить показатели. — Он опять продемонстрировал пухлую стопку бумажек.

Вот блин! Я мысленно ударил себя ладонью по лбу. Как же я мог забыть? А ведь он не один такой. Еще же будет Настасья Прохоровна, но она девятнадцатого вроде, а потом и другие. И у меня здесь целая большая группа людей, которых я должен повторно осмотреть. А я уволился. И что ему говорить? Но тем не менее что-то отвечать надо было, и я сказал:

— Знаете, Йолагай, я сейчас больше наукой занимаюсь. Поэтому меня заменяет другой врач. Вот к нему и подойдите, он посмотрит анализы и выпишет лечение.

— Как это к другому? Я хочу к вам, — начал настаивать Эркин.

— Но я не могу, — покачал головой я.

— А где вы сейчас работаете? — спросил он.

— В санатории.

— А можно я туда к вам подъеду, и вы меня посмотрите? — с надеждой спросил он.

— Можно, — пожал плечами я.

Йолагай Эркин ушел в кабинет, потому что подошла его очередь, и я тут же подумал: блин, превращать санаторий в филиал моркинской районной больницы как-то неправильно.

Дело в том, что открыть там платный кабинет вполне можно и мне, и Сашуле, и остальным врачам, и на базе санатория даже неплохо бы осуществлять какие-то медицинские процедуры. Да, будут формальности — лицензия, аккредитации... Но это все решаемо.

Другое дело, что местные, тот же Йолагай Эркин, которого я встретил, или Настасья Прохоровна, из которой я извлекал безоар... Они же люди небогатые, вряд ли смогут оплатить лечение. Они даже за счет государства в обычной больнице умудрились довести здоровье до плачевного состояния. Нет, платное они просто не потянут. И что же мне делать? Лечить их и тратить свое время просто так, даже без зарплаты? Я, конечно, всегда готов помогать людям, но получается, что это пойдет в ущерб лично мне. Даже не в плане денег, а по времени, которое я бы хотел тратить на что-то более значимое в целом, на то, что поможет не одному-двум, а миллионам людей.

Я крепко задумался.

Из этого состояния меня вывел резкий голос:

— А что вы здесь делаете, Епиходов?

Я обернулся. В коридоре стоял Ачиков и, уперев руки в бока, исподлобья неприветливо смотрел на меня. От неожиданности я побуравил его взглядом и, конечно, дождался реакции Системы:

Ачиков Сергей Кузьмич, 45 лет

Прозвище: Слизняк.

При виде прозвища Сергея Кузьмича я не удержался и издал смешок, отчего тот еще больше взбеленился и с видом хозяина рявкнул:

— Я вас спрашиваю!

— А что, здесь нельзя находиться? — удивился я.

— Раз вы уволены, значит, нельзя, — злорадно сказал он.

Пациенты в коридоре наострили уши, глядя на разворачивающийся скандал.

Глава 5

Уже на автомате, как при любой конфликтной ситуации, я активировал эмпатический модуль, и он выдал Ачикова с потрохами:

Сканирование завершено.

Объект: Сергей Кузьмич Ачиков, 45 лет.

Доминирующие состояния:

- *Триумф ситуативный (76%).*
- *Враждебность явная (71%).*
- *Зависть профессиональная (68%).*

Дополнительные маркеры:

- *ЧСС 102, легкая гиперемия лица.*
- *Микровыражение удовлетворения в углах рта.*
- *Поза «руки в бока» — попытка занять пространство доминированием.*
- *Реплики адресованы свидетелям в коридоре, не оппоненту.*

Ох, сколько я таких товарищей повидал за две жизни — не счесть. Посредственность с административной подпоркой. У самого ни рук умелых, ни головы толковой, зато есть родственник в руководстве и ненасытная потребность, даже жажда, в публичном превосходстве.

Ну и, разумеется, сейчас в общем-то говорил он отнюдь не со мной, а с очередью. Поэтому и голос максимально повысил, чтобы побольше зрителей собрать. Но мне отвечать в том же тоне нельзя, ведь он этого, ясное дело, и ждет. Поэтому вести себя надо ровно.

— Во-первых, я жду, пока сделают приказ, — спокойно ответил я. — Меня работница отдела кадров попросила.

— А что, это нужно делать в больнице? — с недовольством припечатал он.

— А где, по-вашему, мне ждать два часа? На улице под метелью? — ответил я в тон. — А во-вторых, я ведь могу тоже быть больным и прийти на прием.

— На какой прием? — раздраженно прищурился Ачиков.

— Да хотя бы и к окулисту, — сказал я, внезапно развеселившись. — Вот что-то зрение в последнее время подводит. Решил провериться.

Ачиков, по всей видимости, рассчитывал, что я начну оправдываться. Не дождавшись, он сделал шаг ближе и понизил голос ровно настолько, чтобы коридор все равно расслышал каждое слово.

— Знаешь, Епиходов, кто ты такой на самом деле? — вкрадчиво спросил он. — Алкаш. Вся страна теперь знает. Траур у тебя там был или горе какое, неважно, бывших алкашей не существует. В Казани тебя за пьянку из больницы выперли, так ты сюда прискакал, чтобы теперь наших пациентов добивать?

За спиной у Ачикова закрипел стул. Грузная женщина в черном платке тяжело поднялась с банкетки и уперлась рукой в бок. Хмыкнула и степенно так спросила:

— Ты что это, милок, на доктора нашего такими словами ругаешься? Сергей Николаевич у нас один такой, а ты кто такой будешь, чтобы орать на него на всю больницу?

Из очереди подал голос мужичок с тростью:

— Сам-то ведь ты кто, Сергей Кузьмич? Мы, к слову, все хорошо помним, откуда ты вылез.

Молодая мать качнула коляску и приподнялась со скамьи.

— Постыдились бы, право слово, — неодобрительно сказала она. — Истерите при ребенке.

Ачиков дернулся обернуться, открыл было рот возразить, но по коридору уже катился недобрый возмущенный гомон. Крыть ему было решительно нечем, если снова не переходить на личности, поэтому он мрачно буркнул:

— Забирайте свою трудовую книжку, Епиходов, и чтобы я вас больше здесь, в больнице, не видел.

— А это уже не вам решать, Сергей Кузьмич, — ответил я. — Сколько раз посчитаю нужным сюда прийти, столько и приду.

— И попугая своего обязательно приносите, — ехидно поддел меня Ачиков и, резко развернувшись, утопал прочь по коридору.

Думаю, он обратил внимание, как все присутствующие начали меня поддерживать:

— Гад он, этот Ачиков!

— И неблагодарный какой!

— Ну ничего, мы на него жалобу куда надо напишем! — пригрозил мужик с тростью.

— И что же вы дальше, Сергей Николаевич? — спросила женщина с ребенком.

Прижав руку к груди, я благодарно кивнул:

— Спасибо вам за поддержку, товарищи. Сейчас я занимаюсь санаторием, который мы хотим восстановить. А там... Там посмотрим.

Тепло распрощавшись с пациентами, я уже собирался уйти, как меня забросали вопросами по здоровью. Вздыхнув, я пообещал, что осматрю их и посоветую, как лечиться, в частном порядке в санатории, после чего подошел к двери кабинета окулиста.

Там в очереди сидели три человека, и я обратился к ним:

— Я только спросить. Можно?

— Да, конечно, конечно, Сергей Николаевич, — наперебой сказали они. — Спрашивайте!

Я заглянул, поздоровался и сказал:

— Венера Эдуардовна, можно вас на минуточку?

— Да, конечно. — Венера вспыхнула радостной улыбкой, отложила карточку, которую заполняла, и торопливо вышла в коридор.

— Поговорить надо, — тихо сказал я. — Когда вы сможете на пару минут отвлечься?

— Через пятнадцать минут у меня будет технический перерыв, — все еще улыбаясь, сказала она, взглянув на наручные часы. — Алексей Павлович уйдет на совещание, и где-то с полчаса мы не будем никого принимать, так что сможем нормально поговорить.

— Хорошо, я подожду через пятнадцать минут.

Пациенты, которые сидели в коридоре и грели уши, прислушиваясь к нашему разговору, заволновались.

— А мы успеем пройти? А я уже с самого утра здесь сижу, — вклинилась какая-то женщина в зеленой кофте.

— Вы все успеете, — попыталась успокоить их Венера.

Чтобы не быть затянутым в намечающийся скандал, я поскорее развернулся и ушел.

Заглянул к Фроловой. Она сидела, как обычно, в отделении за столом и листала регистрационный журнал, периодически выписывая оттуда что-то себе на листочек.

— Здравствуйте, Полина Илларионовна, — улыбнулся я. — Рад вас видеть.

Женщина выглядела хорошо, хоть у нее сейчас на иждивении было аж четверо детей, какое-никакое хозяйство и дом, плюс далеко не самая легкая работа.

— Да вы просто цветете, — сделал комплимент я, не удержался.

— Спасибо, Сергей Николаевич, — улыбнулась она. — А как у вас дела? Я эту гадскую программу посмотрела, «Люди говорят». Наревелась, жуть. Но вы им всем показали! Мы с Олькой так обрадовались, что даже тортика на ночь поели.

— А то! — хмыкнул я и спросил: — Как вы с четырьмя детьми справляетесь? Борька много хлопот доставляет?

— Да нет, все у нас в порядке, — весело отмахнулась она. — Наоборот, ведет себя хорошо. Толковый пацан, аж удивительно. Ребятишки мои приняли его нормально, подружались. Они с моим младшим Андрюхой вообще не разлей вода теперь. Друзьями стали. А Райка каждый день, считай, приходит, убирается. Пыталась даже кушать готовить, но я ее к плите не подпускаю. А то кто ее знает, как там она... Может, у нее туберкулез?

— Да нет, туберкулеза у нее нет, — сказал я. — Сам лично проверял.

— Ну, все равно, это же дети. Хотя помогает всякое такое, по мелочевке: картошки там начистить, крупу перебрать — это, конечно, я ей даю. А все остальное сама стряпаю. Ну и она у меня столуется тоже, ради бога, не жалко. Где пять человек, там и шесть. Так что все у нас хорошо.

— А с деньгами как, с продуктами?

— Так мне временную опеку на Бориса дают, скоро буду получать на него алименты от государства. Справимся. Одежда есть, спасибо вашим знакомым в Казани, продукты — ну какие-никакие тоже есть. Не скажу, что едим прям сильно что-то такое. Картошка да каша, суп да борщ, макароны, молоко — этого добра у нас всегда в достатке. — Она улыбнулась. — А на выходных мы с Олькой то оладушек нажарим, то блинов, то сахарного хворосту. Нормально, в общем.

А я подумал, что надо будет каких-нибудь конфет, чего-нибудь вкусного детям передать, а то они всего этого не видят. А лучше фруктов. Да и с мясом нужно что-то решить, все-таки дети растут, им белка нужно много, а вместе с ним всех полезных животных жиров, без которых и витамины толком не усваиваются, и нервы да клеточные мембраны страдают.

— А как на работе дела, Полина? — спросил я.

— Да ничего, — пожала она плечами.

— Ачиков не пристаёт, не обижает? — спросил я.

— Да не особо. Он же тоже понимает, что палку перегнул, когда вас уволил. Тут такая буча была: к нему и Лида ссориться ходила, и Лариса Степановна ругаться бегала. Ну, конечно, он замаял это все дело, старается весь коллектив против себя не настраивать, иначе вообще работать некому станет.

Я кивнул, понимая: конформизм — это наше все. Да та же Полина Фролова не пошла за меня ругаться, потому что у нее четверо детей, один из которых приемный. Куда ей еще в какие-то разборки вступать? Ей надо семью тащить, и чтобы характеристика положительной была, а то Борьку обратно отберут. И таких, как она, очень много. Поэтому я сказал:

— Полина Илларионовна, передайте от меня спасибо девочкам. Я очень им благодарен, что они за меня горой, но больше не надо ходить и с Ачиковым ругаться. Это ни к чему не приведет.

— А как вы сами, Сергей Николаевич? — тихо спросила она.

— Ничего. В санатории потихоньку начинаем все развивать. У нас уже одна клиентка есть. Кстати, это ее я возил сегодня к Борьке, как логопеда.

— Да, Оля говорила. Очень Борька довольный. Представляете, буквы «ж» и «ш» у него начали получаться!

— Ну, это же замечательно, — улыбнулся я. — Я еще, может, загляну к вам чуть позже.

Мы еще перекинулись парой слов и договорились не терять друг друга. Я сказал Фроловой, что, когда у нас откроется основной корпус и пойдет полная нагрузка санатория, смогу ей подыскать какую-то временную работу. Потому что она раньше упоминала, что во время отпуска хочет найти что-то такое. Обычно она уборщицей подрабатывала, но подумал, что лучше уж в санатории по своей специальности, и зарплата будет повыше. Она очень обрадовалась, и на этой оптимистической ноте мы расстались.

А я пошел к Венере, ведь пятнадцать минут прошло.

— Как у вас дела, Венера Эдуардовна? — спросил я.

— Да нормально, — вздохнула она с кроткой улыбкой. — Живу пока у Ларисы. В Чукшу, правда, два раза ездила, один раз с Генкой. Он подождал меня и обратно привез. Я там вещи поменяла да в доме немножко присмотрела, что да как. Чифа проведала.

— Чифа? — не сразу понял я.

— Да собака моя. Чиф. Правда, я ее то Чуком, то Джеком кличу, то свистом, ему все равно. Приблудный он.

— Понятно, — улыбнулся я. — Ну что, Венера Эдуардовна, мы скоро запускаем санаторий, так что вы думаете о том, чтобы перейти к нам на работу?

Венера вздохнула и отвела взгляд.

— Венера Эдуардовна, что случилось? — прицепился я.

— Сергей Николаевич, я вот сейчас жду, когда получу зарплату, перед Новым годом нам премиальные обещали... — Она сбилась, покраснела и замолчала.

— И? — не понял я. — Вы же планировали в санаторий.

— А вот теперь я в город решила податься.

Венера тяжело вздохнула и добавила:

— В Йошкар-Олу.

— Что ж, в принципе, неплохо, — скрепя сердце, одобрил я. — А у вас там уже и работа есть? Вы знаете, где будете жить и остальное?

— Нет, вы не поняли. Я не жить туда еду. Тимофея искать.

— Венера Эдуардовна, да как же так-то? — не поверил я. — Простите за мой французский, но вы сейчас в своем уме?

— Что значит «в своем уме»? — взорвалась она. Видимо, стресс постоянно накапливался, и она долгое время не давала выхода своим эмоциям. А вот сейчас разрядилась и взорвалась. — Это мой брат! Родной брат! И я должна его найти.

— Понятно, что брат, — попытался успокоить я, — но вы разве забыли, как он к вам относится? Он же вам, по сути, всю молодость сломал. Или вы опять хотите посадить его в доме? Он снова начнет водить женщин не самого тяжелого поведения и бухих дружков, а вы так и будете разрываться между работой и обслуживанием, чтобы он вкусно поел и на чистом поспал, правильно?

Венера вспыхнула, опустила голову и ничего не ответила, а я продолжил распекать:

— Он сейчас в Йошкар-Оле, однозначно там себе каких-то друзей нашел, всюю предастся разврату в сомнительных заведениях. И как вы приедете и пойдете его искать?

— Вы не понимаете, Сергей Николаевич! — В ее глазах появились слезы. — Может, он там уже пропал давно. Может, его подрезали, ограбили, избили. Может, умирает где-то в подворотне или смертельно заболел. А я тут шикаю в распрекрасных условиях.

— Да в каких таких «распрекрасных условиях»?! — взорвался уже я. — Шикуете? Сидите в приживалках у Ларисы Степановны, ютитесь у каких-то чужих людей. Вынуждены были бросить свою избу, потому что любименький братец может в любой момент заявиться и начать разборки. Оставили привычную работу в амбулатории. Да и негоже молодой девчонке сидеть там, в этой деревушке, свою жизнь в глуши. Вы же там даже замуж нормально не выйдете! Банально, потому что мужиков там вообще нету, а если какие-то и есть, то они все давно заняты...

Она тяжело вздохнула, не поднимая на меня взгляд.

— Я еще раз повторяю, Сергей Николаевич, — четко, по слогам сказала она непререкаемым тоном, — как только получу новогоднюю премию, так сразу поеду искать Тимофея!

— Премию дадут за два-три дня до Нового года. Вы что, прямо на праздники туда попретесь? — спросил я.

— Если надо — попрусь.

— И где вы там его будете искать? Венера Эдуардовна, давайте сейчас отбросим эмоции и детский сад и поразмышляем по-взрослому. Итак, моделируем ситуацию: вот приехали вы в Йошкар-Олу — и что дальше? — пытался я ее вразумить и открыть глаза на действительность.

— Куда вы пойдете?

Венера молчала.

— А вы ему звонили?

— Звонила, — буркнула Венера.

— И что?

— Не отвечает. Номер недоступен.

— Вот видите. Может, разрядился телефон, может, он его потерял, может, украли...

— А может, его там избили. Или он где-то в морге лежит! — хмуро перебила меня Венера.

— Хорошо. Допустим, он где-то лежит избитый. А как вы узнаете, где именно? На Новый год все люди будут праздновать. И вот вы приехали в Йошкар-Олу — и к кому вы сразу обратитесь? Да, в полиции, в больницах останутся какие-то дежурные, но они тоже не будут для вас эти все поиски организовывать в новогоднюю ночь. Вы же сами понимаете, что все будет чисто формально, максимум примут от вас заявление. Да они с места не сдвинутся, если ничего чрезвычайного не случится — типа пожара или убийства.

Венера вздохнула и хоть и нехотя, но согласно кивнула.

Фух, один раунд я вроде выиграл.

— Теперь дальше. Я считаю, что все праздники: и новогодние, и рождественские, вплоть до старого Нового года включительно — вам в Йошкар-Оле делать категорически нечего.

Венера опять вздохнула, но спорить больше не стала.

— Причины я озвучил ранее. Плюс гостиницы будут все забиты туристами. Вы со мной согласны?

Она нехотя кивнула, при этом в глаза старалась не смотреть.

— Таким образом, примерно до 14 января в Йошкар-Олу вам ехать нет смысла. А за это время Тимофей может сам вернуться — это раз. Во-вторых, давайте поступим немножко не так. Мне все равно на следующей неделе, или даже в конце этой, нужно будет отправлять Наилу туда по делам. Надо по документам регистрацию для санатория пройти в региональном управлении. И я попрошу его, чтобы пробил по своим каналам: не было ли никаких наводок на Тимофея — и в полиции, и в больницах?

Глаза Венеры вспыхнули радостью, и она торопливо, словно боясь, что я передумаю, закивала.

— Ну, вот и хорошо. Значит, до середины января на целый месяц вы остаетесь здесь. Этот вопрос мы прояснили, — продолжил я анализировать ситуацию. — Следующий вопрос такой: Венера Эдуардовна, вы так и будете продолжать сидеть в Ларисином доме и работать в моркинской больнице на подхвате? Где вы там — в гинекологии или заменяете окулиста, или что еще?

Она потупила взгляд.

— Мне, видимо, придется возвращаться в Чукшу, — сказала она, густо покраснев. — Сергей Кузьмич сказал, что после Нового года я должна вернуться в амбулаторию, что мои личные дела не должны переплетаться с профессиональными, иначе амбулаторию закроют.

— А вы ему говорили, что там вам Тимофей угрожал?

— Говорила, — невесело отозвалась Венера. — Там еще и Лида бегала, доказывала, ругалась. Ну, вы же сами понимаете.

Я понимал, поэтому сказал:

— Раз вас после Нового года отсюда под зад ногой...

Венера вспыхнула и посмотрела на меня горящими праведным возмущением глазами.

— Да, да, так и есть. Вот меня сейчас — под зад ногой. Александру Ивановну — под зад ногой. И вам тоже. Чем вы хуже нас?

Венера польщенно улыбнулась: в такой компании, как мы с Сашулей, она себя ущербной явно уже не чувствовала.

— Давайте рассуждать дальше. Что вы после Нового года будете делать? В амбулаторию, сами понимаете, соваться бессмысленно. Сидеть здесь — тоже нереально, раз вас Ачиков решил попереть из больницы. В Чукшу туда-сюда по зиме мотаться — тоже не вариант. Что дальше?

Венера развела руками.

— А что я могу? — посмотрела она на меня умоляющим взглядом.

— То, о чем я вам уже пятнадцать минут твержу, — вздохнул я. — Давайте вы сейчас напишете заявление на расчет? Увольняйтесь, и через две недели отработки я заберу вас в санаторий. Работа для вас найдется. Да, пока у нас загрузка не та, но уже какая-то есть. У нас даже первая клиентка появилась. Будете пока помогать Александре Ивановне, она начнет делать иглоукалывание. Ну, я заодно ее попрошу — может, там получится реанимировать кабинет физиотерапии, хоть на первых порах частично. И еще надо будет помогать Тайре Терентьевне с ваннами: там хоть и ремонт идет, но две ванны вполне рабочие. Вот хотя бы какую-то небольшую часть процедур мы сможем начать уже сейчас. Да, пока я, может, и не смогу платить мощные деньги, месяца полтора-два где-то, но потом, когда уже пойдет нормальное финансирование, все это будет возмещено. Так что вы не переживайте насчет зарплаты, Венера Эдуардовна, мы составим договор с каждым, Александра Ивановна обещала помочь, и потом все это компенсируется. Плюс проживание на месте, в служебном флигеле. Мы там все сейчас живем.

— И Наиль... — вспыхнула Венера.

Честно скажу, меня при этих словах кольнула какая-то иррациональная ревность, потому что к Венере я скорее испытывал отеческие чувства, но я не подал виду и сказал ровным тоном:

— У Наиля там тоже комната, но он, сами понимаете, то приезжает, то уезжает, будет ночевать лишь изредка. Однако места пока есть. Так что подумайте, Венера Эдуардовна.

С этими словами я оставил растерянную Венеру размышлять над собственной судьбой, а у меня еще оставалось время, и я не мог не заглянуть к Самарцеву.

Глава 6

Николай Борисович обычно был немногословен, эдакий сухарь, но мы с ним славно поработали за то недолгое время, что я провел в Морках. Анестезиолог он был от Бога. Самое главное, что у нас с ним имелось полное профессиональное взаимопонимание, поэтому я просто не мог уйти из больницы, не попрощавшись с ним.

Я спустился в полуподвальное помещение, где находились лаборатории и кабинет анестезиолога, и, постучав, открыл дверь. Николай Борисович сидел на подоконнике, пил чай и задумчиво рассматривал через слегка заиндевевшее стекло улицу. Там дети шли из школы, люди спешили по своим делам, было довольно оживленно, и Николай Борисович с удовольствием взирал на всю эту вечернюю человеческую суету, прихлебывая чай.

— Здравствуйте, Николай Борисович, — сказал я.

— О, Сергей Николаевич! — На радостях он легко соскочил с подоконника, поставил чашку, подошел ко мне и протянул руку.

Я крепко, с чувством ее пожал и спросил:

— Как дела у вас?

— Да у меня-то все нормально, как обычно, — отмахнулся он. — А вот как у вас — я наслышан. — Он горестно вздохнул и покачал головой. — Как жалко, что вы уходите, Сергей Николаевич. Я даже представить не могу, как теперь оно будет.

— Ну, ведь Казанцев должен скоро вернуться.

— Да что Казанцев, — отмахнулся Николай Борисович. — У него на все единый ответ.

— Так есть же еще женщина — я видел, на моем месте в кабинете хирургии принимает, — сказал я. — С ней будете работать.

— Ой, да она... теоретик... то работала в больнице, то уходила в администрацию. Сейчас ее временно привлекли, потому что Ачикову некогда. И получается, что вроде куча хирургов, а толку — ноль.

Николай Борисович печально вздохнул.

— Если какая операция плохо закончится, виноватым будет кто? — Он опять вздохнул, еще печальнее.

Я не знал, что ему сказать, и тоже вздохнул.

— Надо идти на пенсию, — мрачно сказал Николай Борисович. — Мне уже полгода назад шестьдесят стукнуло. Давно мог оформиться и уйти. Тем более я анестезиолог, работа у меня вредная. Не хотелось, конечно, но, с другой стороны, это тоже не дело.

— Но ведь вы раньше работали и с Казанцевым, и с Ачиковым...

Николай Борисович ничего не ответил, взял чашку с подоконника, а потом, спохватившись, спросил:

— Чай будете?

Неожиданно даже для себя я ответил:

— Буду.

Николай Борисович кивнул и нажал кнопку на электрическом чайнике. Тот зашумел, загудел, а Николай Борисович сказал:

— Спасибо вам, что в том ток-шоу про меня вспомнили. Так приятно было. Столько лет проработал, столько сделал, и это первый раз, когда отметили...

Я пожал плечами, мол, а как иначе.

— Слушайте, Сергей Николаевич. Я тут слышал, ну, так слушки до меня дошли, не знаю правильно-неправильно... Вы Сашулю к себе решили забрать в санаторий?

Я как-то не знал, стоит ли рассказывать о чужих планах — обычно это не приветствуется. Но с Николаем Борисовичем у нас сложились довольно-таки доверительные отношения. Все-

таки не одну операцию мы провели вместе и уже как-то чувствовали друг друга на тонком ментальном уровне. Поэтому я кивнул, но не сказал ничего. Он меня понял.

Как раз чайник вскипел, он налил в дежурную чашку кипятка, бросил туда пакетик и протянул мне. Я уселся на свободный стул у стены и принялся греть руки о горячий фаянс.

— А что? — спросил я, отказавшись от сахара.

— Да вот думаю, — сказал Николай Борисович, — а может, я, когда уволюсь, тоже к вам переберусь в санаторий?

— Ну, вы же анестезиолог, — осторожно сказал я.

— Ну и что? Колоть я могу хорошо. Капельницы ставлю как боженька. Буду какую-нибудь озонотерапию в вены колоть, или, к примеру, карбоновые уколы делать.

Отдельные исследования обещали детокс, насыщение кислородом, противовоспалительный эффект от озонотерапии и улучшение микроциркуляции и омоложение кожи от карбокситерапии. Так что и наши пациенты, скорее всего, будут хотеть того же. Вреда не нанесет, а эффекта плацебо в конце концов никто не отменял, поэтому я радостно кивнул:

— О! Вот это нормально, Николай Борисович! Я как раз и думал, где мне найти специалиста на все это. Если можете — я с радостью вас возьму. Но, мне кажется, вам надо переподготовку пройти.

— За этим дело не станет. — Николай Борисович явно повеселел. — Вы знаете, есть такой анекдот. В общем, больной перед операцией спрашивает: «Доктор, а я проснусь?» А тот отвечает: «Конечно. Вопрос только — где?»

Я засмеялся, потому что врачебные анекдоты настолько циничны, что лучше бы пациентам о них не знать.

— А еще вот, говорят... — улыбаясь, начал он. — В жизни каждого врача рано или поздно попадается пациент, которого хочется не вылечить, а добить. И списать все на врачебную ошибку.

Я расхохотался, и он тоже. Давно я не видел Николая Борисовича в таком приподнятом настроении. Он словно сбросил со своих плеч груз.

— Или вот еще один. Пациент спрашивает: «Доктор, что со мной?» Тот отвечает: «Вам потребуется операция!» Пациент в отчаянии: «А иначе никак?» — а доктор разводит руками: «Извините, голубчик, эвтаназия у нас запрещена!»

Николай Борисович ударил себя по колену, снова начав хохотать, и в этот момент открылась дверь, причем без стука, и в кабинет заглянул Ачиков.

При виде меня лицо у него вытянулось.

— Епиходов! — взревел он. — Вы что здесь делаете? Я вам что сказал?

— Не видите — чай пью, — ответил я и продемонстрировал исходящую паром чашку.

— Вы здесь народ на бунт подбиваете! — заявил Ачиков.

— Почему это подбиваю? Николай Борисович анекдоты мне рассказывал.

— Знаю я ваши анекдоты. Убирайтесь отсюда, чтобы я вас не видел! А вы, Николай Борисович... — Он вспыхнул и закончил уже потише: — С вами мы еще поговорим.

— Поговорим, — сказал Николай Борисович таким тоном, что Ачикова моментально сдуло.

Я усмехнулся.

— Вот видите, — со вздохом сказал анестезиолог. — Надо отсюда рвать когти. И срочно.

А потом я отправился в отдел кадров. Пара подписей — и вот я с трудовой книжкой на руках вышел из больницы на улицу.

Добби свободен!

Я постоял минуту на крыльце, глядя на здание больницы. Вот и еще один этап в жизни завершен, теперь уже официально. Мимо прошла бабулька с авоськой и кивнула мне как знакомому. Я кивнул в ответ, хотя видел ее впервые в жизни.

До запланированной встречи в районной администрации оставалось примерно десять-пятнадцать минут, поэтому я поторопился, запрыгнул в машину и поехал на место. И уже входил в здание, когда навстречу мне вышел Наиль. Чуть не столкнулись.

При виде юриста у меня в душе всколыхнулись смешанные чувства — и из-за загадочной истории с минтаем, и из-за Венеры. Я постарался согнать с лица все эти эмоции и поприветствовал его с улыбкой:

— Добрый вечер, Наиль Русланович! Ну, как там у нас дела?

— Сергей Николаевич, а встречу перенесли на завтра, — виновато ответил он. — Главу администрации и начальника управления земельных ресурсов вызвали на ВКС с Йошкар-Олой, поэтому все будет завтра, в это же время. Так они сказали.

— Понятно. Больше ничего у нас здесь на сегодня нет? Все на завтра?

— Да, на завтра, — кивнул Наиль. — А вы сейчас куда?

— Остались еще кое-какие дела, — не стал вдаваться в подробности я. — А ты?

— Да вот хочу в «Ростелеком» заскочить. У нас же в санатории стационарного интернета нет, а я хочу, чтобы провели сеть и сделали Wi-Fi. Достали эти постоянные скачки сотовой связи в этих Морках. С ней тут вообще фигня какая-то, Сергей Николаевич! — пожаловался Наиль. — Идешь на один сайт, а загружается совсем другой! Или вообще не загружается! А у нас с Евой завтра по видеосвязи с Москвой разговор, если не получится стационарный интернет сделать, придется ехать в Казань или Йошкар-Олу. Не хотелось бы время на дорогу терять.

— Понятно, дерзай, — сказал я, одоблив его действия, и Наиль заспешил к своей машине.

Я же постоял немного на крыльце администрации, раздумывая о том, чем бы сейчас заняться: появившееся внезапно время нужно было использовать рационально. Но не успел я еще о чем-то конкретном подумать, как забренчал телефон. Я посмотрел на экран: звонил Терновский.

— Слушаю, Борис Альбертович, — сказал я.

— Здравствуй, Серега, — ответил голос по ту сторону. — Ты уже приступил к исследованиям?

— Еще нет, — признался я, потому что врать не хотелось, а говорить правду... как-то неудобно.

— А почему? Уже два дня прошло, а ты еще ничего даже не начал делать? Так и три года пройдет. А диссертацию кто будет защищать? — Борька явно разгневался и был намерен отплатить мне за все те треволнения, которые я причинил ему на конференции.

Я молча слушал, возразить было нечего.

— Когда планируешь начать исследование? Мы с тобой говорили о пилотном проекте!

Снова вздохнув, я начал раздумывать, что же ответить. Ну не рассказывать же Борьке, что для меня последние два дня пролетели вообще без продыху! Еще и Алиса Олеговна так не вовремя подсуежилась с этой своей подругой, и я реально понимал, что раньше февраля вообще ничего не начну. И тут память вытаскила то, что я читал накануне за чашкой ройбуша.

— Борис Альбертович, погодите, — сказал я. — Я как раз собирался звонить вам, чтобы кое-что новое обсудить. Вы статью в последнем номере Nature Scientific Reports видели?

— Не успел! — буркнул Борька, все еще раздраженный. — Ты мне зубы не заговаривай, Сергей. Что там?

— В общем, тринадцать с половиной тысяч испытуемых, изучали связь продолжительности сна с фенотипическим возрастом...

Это не тот возраст, что по паспорту, а биологический. Грубо говоря, на сколько выглядит человек и на сколько лет работает его организм.

— Ну и? Давай конкретнее! — начал закипать Борька.

Тогда я выпалил скороговоркой, чтобы он не успел снова взреветь:

— Замеряли фенотипический возраст по девяти биомаркерам, классика: альбумин, креатинин, глюкоза, С-реактивный белок, лимфоциты, эритроциты, щелочная фосфатаза, лейкоциты. U-образная кривая, как и положено, мало спишь — плохо, слишком много — тоже плохо. Семь-восемь часов оптимум, и это, в принципе, ожидаемо.

Борька на той стороне молчал. Я знал, что его легче увести в науку, чем в бытовую разборку. Он мог орать на ассистента за расставленные не туда пробирки, но стоило кому-то произнести что-то типа «корреляция выборки», как Борька замолкал и прислушивался.

— Ничего нового пока не открыл, Сергей, — наконец проворчал он. — Дальше что?

— Дальше интересно. Они взяли физическую активность как основной признак. У пересыпающих часть негативного эффекта компенсировали регулярные нагрузки. Это, в общем, понятно: слишком продолжительный сон обычно сопровождается и воспалением, и метаболический синдром, а движение бьет по всем мишеням сразу.

— Ну?

— А вот у недосыпающих повышенная физическая активность иногда коррелировала с еще более высоким биологическим возрастом.

— Это они в статье прям так и пишут? — наконец оживился он. — Парадокс?

— На первый взгляд. Но если по механизму, то нормально. Хронический недосып дает и хронический кортизол, и провоспалительные цитокины, и инсулинорезистентность. Тело и так работает на износ, а ты его еще в зал или на пробежку тащишь. Ремонтных ресурсов не хватает.

— Ага. То есть нагрузка без сна — это вычет из гликогена и из белка.

— И из мышц, и из миокарда, между прочим. Я, собственно, к чему это все веду.

— К чему?

— К моей пилотной программе, Борис Альбертович. Это же почти та же логика, которую я в методике закладывал. Нельзя группе из десяти человек назначать одну схему реабилитации. У кого-то хронический недосып, у кого-то, наоборот, гиперсомния, а есть и те, кто спит нормально, но всю жизнь сидит. Дайте им всем одинаковую физкультуру, и у одного она омолодит, а у другого ускорит старение. Вот вам, кстати, и ответ, почему мне стационар нужен, а не выездной протокол.

— Стой, — резко перебил меня Борька. — А ты собираешься это в свою схему включать?

— Думаю, да, — ответил я. — Девять маркеров недорогие, делаются в любой районной лаборатории. У меня в протоколе они почти все и так есть.

— Только фенотипический возраст, как ты понимаешь, — это маркер текущего состояния, — возразил он. — У тебя же концепция другая — у тебя индивидуальный пик. Это вектор.

— Так одно другого и не отменяет. Они комплементарны. Фенотипический возраст — точка А, где организм сейчас. Индивидуальный пик — точка Б, где он был в максимуме. Разница между ними и есть та самая мера, которую я собираюсь возвращать. В общем, нужно брать две группы, одна из которых будет контрольной.

Борька пожевал воздух. Я слышал в трубке, как он постукивает пальцем по столу.

— Ох, Епиходов, ты же потом статистически всю эту кучу не сведешь, хотя, в принципе, ты прав, — заметил он. — А что с генетикой? У тебя же в работе тридцать пять генов, четырнадцать подтвержденных. Как ты с этим корреляцию бить будешь? Тебя на спецсовете забодают.

— А никак, напрямую. — Я даже улыбнулся, глядя на сугроб у крыльца. — Гены дают предрасположенность к долголетию. Метаболизм гиалуронки, митохондриальная трансляция и посттрансляционная модификация белков. Фенотипический возраст говорит, что с тобой сегодня. Это разные слои: один — потенциал, другой — реализация. У кавказского долгожителя могут быть прекрасные гены, а фенотипический возраст испорчен курением. И наоборот, нормальный геном плюс правильный режим, плюс физкультура по силам, и вот вам фенотипический возраст на десять лет моложе паспорта.

— На пятнадцать, — поправил Борька. — Я на конференции в Цюрихе видел доклад: там у японской когорты до семнадцати лет получалась дельта. Представляешь? В шестьдесят иметь тело сорокатрехлетнего!

— У японцев другие пищевые привычки и они живут в другом геохимическом фоне, Борис Альбертович. В нашей стране я пока могу достоверно заложить только десять лет разницы.

— Десять — тоже неплохо... — задумчиво протянул он, пока я смотрел на прохожих, пересекавших небольшую площадь у администрации. — Главное — не закопаться в показателях.

— Угу.

— Так, — суше сказал Борька. — Хорошо. Заболтал ты меня, Сергей. Признаю, красиво заболтал. Я даже почти забыл, зачем звонил. Но все же ответь на вопрос, почему до сих пор не стартовал? Когда начнешь?

— Думаю, после Нового года можно начинать, — ответил я неопределенно, так и не называя точной даты.

— Да ты что себе думаешь? — гневно разразился криками Борька.

Он орал минут пять, и я все это время терпеливо ждал, пока поток красноречия иссякнет. Когда Борька выдохся, заговорил он уже куда спокойнее:

— Что у тебя за проблемы, Сергей? Я пересмотрел еще раз твою методику и уже нашел там две ошибки. Они не являются существенными, но потом, когда будешь статистику всю обрабатывать и сводить, у тебя может пойти такая разбалансировка, что ты вообще не сведешь это все. Поэтому лучше сразу привести все в порядок и четко структурировать.

— То есть вы говорите, что я должен приехать к вам в Москву? — вздохнул я.

Настроение моментально испортилось, ведь я этого не планировал. И хоть и был сейчас свободен, но не мог просто взять и бросить и санаторий, и людей, что доверились мне, и пациентку.

— Да нет же, зачем ты мне здесь сдался? Будешь ходить Лысоткина тут драконить и в ток-шоу пиариться, — не смог не поддеть меня Борька. — Я сам приеду к тебе и посмотрю, как ты начал работать.

У меня аж сердце упало.

— И причем приеду не сам, — заявил Борька. — С Марией Сергеевной вдвоем приедем. Ей тоже интересно посмотреть, чем ты там занимаешься. Так что жди. Только пришли мне адрес, конкретно геолокацию.

От мысли, что Терновский приедет с Марусей, на сердце сразу потеплело, и я оттаял:

— Ну, понимаете, здесь автобусы...

— Мы машиной приедем, — перебил меня Борька. — Жди нас.

— Когда?

— Э... — задумался Терновский. — Думаю, через пару дней. Я завтра сообщу конкретно.

В трубке потянулись длинные гудки, а я стоял на крыльце администрации и не знал, что делать: то ли гневно зашвырнуть телефон в сугроб, то ли прыгать на одной ножке от радости, что скоро доченька приедет ко мне в санаторий, где еще даже конь не валялся. Никто не валялся, кроме Валеры.

С этими мыслями я заехал за Александрой Ивановной, и мы поехали в санаторий. Опоздали на ужин, но с удовольствием поели и разогретый.

Сашуля осталась болтать с тетей Ниной и остальными, а я отправился спать.

В своей комнате рухнул как убитый и вырубился.

Глава 7

— Сергей Николаевич, проснись! Да вставай же! Ну Сергей Николаевич... Елиходов, твою мать, проснись! — Из крепкого сна меня резко выдернул чей-то назойливый голос за дверь.

Я разлепил глаза и скосил взгляд на мобильник. Блин, пять часов утра. Кому это неймется? Судя по голосу, это была тетя Нина. Кряхтя и поминая недобрым словом всю эту комму, я встал, натянул штаны и раздраженно открыл дверь.

— Что случилось? Вы сейчас всех в помещении перебудите.

— Вставай, Сергей Николаевич, к тебе там гости приехали.

— Какие гости? — опешил я. Никаких гостей я уж точно не ждал. Тем более в такую рань.

— Не знаю. Вахтер сказал: иномарка. Машина в ворота въехала такая... красная. Кто они — не знаю, но едут сюда. Я уже поставила первую партию оладушек жариться, так что не переживай, завтрак минут через пятнадцать будет.

— Спасибо, — поблагодарил я и метнулся быстро к умывальнику, плеснул на себя воды.

Еле-еле успел ускоренно почистить зубы и пройти все гигиенические процедуры, как в дверь громко постучали. А потом еще раз.

Тетя Нина из кухни крикнула:

— Сергей Николаевич, открой дверь, а то у меня оладушки сгорят!

Я пошел открывать, недоумевая, кого же это принесло в пять часов утра.

Открыв дверь, я обнаружил... Борьку Терновского, который стоял на крыльце, и лицо его было тоже не сильно радостным.

— Здравствуйте, Борис Альбертович, — сказал я, стараясь не выдать удивления. — Какая неожиданность. Вы же вчера говорили, что через два-три дня приедете.

— Да так вышло, что надо было сразу выехать. Мы с Марией подумали и вечером сразу и выдвинулись, — сердито буркнул он, еле сдерживая зевоту. — Через три дня у меня доклад на конференции в Питере, поэтому решил сейчас заскочить. Всю ночь, блин, ехали.

— Так и Маруся с вами? — спросил я.

— Да, спит в машине.

— Проходите в дом.

— Сейчас, только Маруську разбуджу, и придем.

— Как раз вы к завтраку успели, — гостеприимно сказал я. — Только не шумим в коридорах, потому что люди еще спят, а слышимость здесь кошмарная.

— Да понимаю я это. Не учи ученого.

Борька спустился вниз, и секунды через две оттуда вышла Маруся, протирая заспанные глаза кулачками. При виде меня она улыбнулась.

— Здравствуй, Сережа. Извини, что нагрянули вот так внезапно. Так уж вышло. Потом объясню.

— А почему не позвонили, не предупредили? — Меня это немножко нервировало. — Мы бы хоть подготовились нормально. Руководитель все-таки приехал.

— Да как-то спонтанно все решили, ты же Борьку... ой, в смысле Бориса Альбертовича знаешь... Вот и не предупредили, — попыталась пояснить смущенная Маруся.

«Ну, по дороге-то можно было», — подумал я, но настаивать не стал. Видимо, сюрприз хотели сделать.

И тут Терновский ее перебил:

— Потому и не предупредили, чтобы ты не готовился. Не хрен траву к приезду начальства красить. Ты мне эти потемкинские замашки брось. Посмотрю все как есть, в истинном виде!

«О как!» — подумал я, а вслух сказал:

— Проходите на кухню.

Они вошли в коридор, и тут же из кухни выглянула раскрасневшаяся от жара тетя Нина.

— Сюда прям идите, я уже оладьи жарю.

Через пару минут мы все сидели за столом и уплетали свежеприготовленные, еще горячие, румяные оладушки тети Нины. Они получились вкусными, так что все ели с удовольствием. Сама тетя Нина крутилась рядом, довольная, что Маруся нахваливает ее стряпню. Варенья еще не было, но зато имелась сгущенка.

И этим ранним морозным утром пышные оладушки с пылу с жару да со сгущенкой, да под кофеек — это было очень вкусно. Главное, потом компенсировать все эти сахарные всплески в крови, хотя бы прогулявшись четверть часа.

— А вот молочка попейте, козье, — сказала тетя Нина и водрузила на стол графин с молоком. — Только утром подоила!

— Ой, молоко парное! — захлопала в ладоши Маруся. — Какая прелесть!

— Да, в этом действительно вся прелесть деревенской жизни, — подтвердил Борька, наливая Марусе и себе молоко.

— Согласен, — не стал я спорить с научным руководителем, потому что с другой стороны деревенской жизни он совсем скоро сам узнает.

— Давай допивай кофе, — хмуро сказал он мне. — А потом мы с тобой сходим, покажешь, как ты здесь обосновался. И заодно методику исследований по дороге обсудим. Ты же пилотный протокол уже сделал?

— Нет конечно. — Ну, я не хотел ему врать. — Вы же мне только вчера вечером позволили и сказали, что у меня два-три дня есть. Вот я и не спешил.

— А мог бы и поспешить, — сердито сказал Терновский и многозначительно поднял палец. — Аспирант должен мгновенно выполнять задание своего научного руководителя. Как говорят в других кругах, мухой!

— Шмелем! — хохотнула предательница тетя Нина. — Пулей!

Внутренне вскипев, я одновременно восхитился: Борька повторил слова, которые я в свое время говорил ему — моему аспиранту.

— Я иду с вами! — заявила Маруся категорическим тоном. — Хочу тоже посмотреть, что здесь происходит.

— Так, может, ты устала с дороги? — сказал я. — Тетя Нина покажет комнату, ты приляжешь, подремлешь, а потом мы можем с тобой еще раз посмотреть попозже.

— Нет, я сейчас хочу, — сказала Маруся. Она была упрямая, вся в меня.

— Ну хорошо, — пожал плечами я.

Маруся просияла, а я кивнул. Как же, как же: вряд ли не выспавшаяся Маруся прям уж так срочно жаждала идти осматривать санаторий. Скорее всего, зная Борьку и видя его настрой, она решила стать миротворцем, если дело дойдет до ругани. А в том, что дойдет, я даже не сомневался. Во всяком случае, Борька явно собирался повоевать.

И в этот момент из комнаты вышел Валера, посмотрел на нас и, кратко мяукнув, запрыгнул Марусе на колени.

— Ой, какая прелесть! Какой масечка! — засюсюкала она и принялась его гладить.

Валера млел и позволял себя тетешкать. Я удивился, вспомнив, как он ненавидел Диану, но факт был налицо: изрядно окрепший котенок, почти кот, к Марусе сразу пошел на руки, еще и тархтел трактором.

— Валера, ты жулик, — укоризненно сказал я этому наглому суслику. — Вот как ты ко всем на руки идешь? А ведь должен слушаться только хозяина.

— Ну, он же такая миленькая масюсечка, — заулыбалась Маруся. — Такой хороший котичек. Ты такой маленький, правда?

Валера скептически посмотрел на Марусю, но опровергать ее инсинуации не стал. Масечка так масечка, лишь бы гладили. В этот момент прилетел Пивасик и уселся на верхнюю полку. Он внимательно осмотрел наш коллектив едким взглядом и сказал зловредным голосом: — Суслики!

Терновский оглушительно расхохотался, а следом за окном, в наспех сколоченном сарайчике за флигелем, возмущенно заблеяла чепайкинская коза — видимо, почувствовала, что ее только что обделили вниманием. Или несправедливо причислили к сусликам.

— Ну, всего я за жизнь наслушался, — со смешком сказал Терновский, допивая кофе. — Но сусликом меня еще никто не называл.

— А вот меня называют постоянно, — вздохнул я. — Иногда даже червяком.

— Слышно хлопанье пробок от пива, от табачного дыма туман, а в культурной пивной так красиво, с бубенцами играет баян! — фальшивым женским голосом старательно пропел Пивасик.

Маруся с Терновским захохотали, утирая слезы.

Из комнаты Элен вышел Альфик и уселся на пороге кухни, предусмотрительно не входя внутрь, во избежание очередного конфликта с Валерой и Пивасиком.

— Да здесь прям целый зоопарк у тебя, — сказал Терновский и вдруг оживился: — А рыбок у тебя, часом, нет аквариумных? Гуппиков там каких-нибудь или, чем черт не шутит, цихлид?

— Нет, — покачал я головой. — Только щуки да окуни в местных озерах. Зато есть коза, про которую Нина Илларионова рассказывала. Эту козу...

Но тут тетя Нина угрожающе подняла половник, и я понял, что, если сейчас признаюсь, каким образом коза была получена нами от Чепайкина, вполне могу схлопотать по лбу прямо в присутствии научного руководителя. Так что я благоразумно умолк.

Наконец, мы покончили с завтраком и отправились смотреть санаторий.

По расчищенной от снега дорожке сначала прошли к центральному корпусу. Мимо котельной как раз проходил Сарман Япаров, с которым я говорил об измене его жены Ларисы. Работяга поймал мой взгляд и коротко кивнул.

Тем временем Маруся, во все глаза рассматривая величественные заснеженные ели, счастливо улыбнулась:

— Красота какая!

— Да, прекрасный повод, чтобы не писать диссертацию, — проворчал Борька.

— А воздух какой целебный! — не унималась она. — Его аж пить хочется!

— Но, видимо, недостаточно целебный, раз сил не хватило начать исследования, — буркнул Терновский.

Хорошо, что в этот момент мы дошли и Борька временно перестал педалировать тему не начатых исследований.

Вышедшей нас встречать и кудахчущей Тайре Терентьевне я сказал, чтобы не переживала. Это просто очередная комиссия, на сей раз научная. И в сопровождении Терновского, Маруси и лично Тайры Терентьевны мы отправились осматривать помещение.

Борис Альбертович внимательно обозрел коридоры, заглянул в каждый кабинет и даже в отделение с холодными ваннами, оглядел, что за строительный армагеддон творится на кухне. И по его глазам я ясно видел, что он совершенно не в восторге. А когда мы вышли к галерее, даже вода не привела его в хорошее расположение духа. Маруся, правда, с удовольствием попробовала ее, повосхищалась и понадеялась, что все будет хорошо.

А вот Терновский сказал мне:

— Иди-ка сюда, Серега.

Мы отошли буквально на пару шагов от Маруси с Тайрой Терентьевной, которые пробовали воду, и Терновский уставился на меня мрачным взглядом.

— Что? — спросил я.

— Ты похоронил диссертацию ради вот этой богадельни? — рыкнул он, и его лицо не предвещало ничего хорошего. — Ты должен был уже начать исследование, а я вижу, что закопался в какую-то ерунду.

— Борис Альбертович, я докажу вам, что моя идея имеет право на существование и от нее будет очень большой толк. Ведь именно на базе этого санатория я хочу попытаться внедрить все методики по геронтологии и омоложению академика Епиходова.

Борька побагровел, но ничего не успел сказать, так как в этот момент раздался звонок. Я взглянул на телефон: звонила тетя Нина.

— Алло! Сергей Николаич, у нас неприятности! Быстро беги во флигель.

— Что случилось? — сказал я, но она уже отключилась.

Я поднял глаза на Борьку с Марусей:

— Извините, я на пару минут вас оставляю. Побудьте пока с Тайрой Терентьевной. — После чего обратился к смотрительнице санатория: — Тайра Терентьевна, покажите нашим гостям еще грязевое отделение и отделение физиотерапии, а я сейчас сбегая во флигель и потом вернусь. Там что-то случилось.

— Нет уж, вы с Марусей идите, смотрите, — скомандовал Борька. — А я с тобой.

— У меня там свои дела, возможно, бытовые, — попытался я уклониться от его предложения, но он отрезал:

— Неважно, заодно вот посмотри, как ты решаешь свои бытовые проблемы.

Борька, навязчивый и вредный тип, увязался за мной следом, и я никак не мог от него отделаться. Ну ладно, пришлось идти вместе к флигелю.

— Что случилось? — спросил я, влетая внутрь, Борька еле поспевал за мной. Ведь из-за ерунды меня отвлекать бы точно не стали, особенно когда я показываю санаторий гостям.

Навстречу нам выскочила тетя Нина и кивнула на комнату Элен.

— Что-то с пациенткой? — с тревогой спросил я на ходу.

Тетя Нина молча кивнула и сдавленно всхлипнула. Я торопливо открыл дверь, не стучась, и вошел в комнату.

Там металась Александра Ивановна и пыталась привести в чувство Элен. Она была абсолютно растеряна, руки дрожали.

На ходу запуская диагностику Системы, я бросился к Элен.

Диагностика завершена.

Объект: Элен, 62 года.

Основные показатели: температура 36,4 °C, ЧСС 128, АД 85/55, ЧДД 12.

Обнаружены аномалии:

— *Церебральная гипоперфузия, резидуальная.*

— *Гипоксия миокарда в задней стенке левого желудочка.*

— *Хроническая артериальная гипертензия II ст., медикаментозно контролируемая.*

— *Следы множественных пластических вмешательств: блефаропластика, ритидэктомия, липофиллинг.*

— *Вазовагальная реакция (вероятно, индуцированная процедурой).*

— *Медикаментозный фактор: первый прием антикоагулянта (ривароксабан, 9 часов назад) на фоне нераспознанной мерцательной аритмии.*

Я быстренько принялся приводить в чувство Элен, и буквально через пару минут она пришла в себя. Синева ушла, и она глубоко задышала.

— Александра Ивановна, что произошло? — спросил я.

Элен еще пока не могла говорить, лишь слабо стонала.

— Н-не знаю, не пойму, — пролепетала Сашуля, глаза ее были полны слез, губы дрожали, что на полном лице при ее монументальной фигуре выглядело довольно комично, но мне было не до смеха. — Элен лежала на кровати, я начала ей ставить иглы по Горячкину, подключила небольшой разряд тока, совсем маленький. У меня на приеме такое и дети легко выдерживают, — пролепетала Александра Ивановна. — И вдруг Элен посинела, пошла судорогами и потеряла сознание. Я сразу выключила прибор и вытащила иглы, начала приводить ее в порядок.

И тут Элен простонала более внятно.

— Элен, что у вас с показателями крови? — спросил я.

Она посмотрела на меня непонимающе.

— Вы какие-то сильные антикоагулянты принимаете? — уточнил я.

Элен сначала посмотрела на меня, а потом несмело кивнула.

— А почему же не сказали?

Она промолчала, а я, подумав, вынес вердикт:

— В общем, Александра Ивановна, вы не переживайте. Похоже на реакцию на процедуру на фоне аритмии. Таблетки не причина, но о них нужно было сказать. Элен, я же вас спрашивал в самом начале: какие препараты вы принимаете. Вы сказали, что только витамины. Было такое?

Элен кивнула.

— А почему не сказали про антикоагулянты?

— Вы не спрашивали, — ответила Элен, с трудом выговаривая слова все еще деревянными губами. — И я их не пила. Сегодня утром только.

— Да как так можно?! Элен! — набросилась на нее Сашуля. — Вы же меня чуть не угробили! Вы понимаете, я, когда увидела, что вы потеряли сознание, у меня у самой чуть инфаркт не случился!

Элен моментально впала в истерику и разрыдалась:

— Я думала, что вы и так все понимаете. Вы же врачи!

— Так, тише, девочки, — сказал я строгим голосом. — Отставить истерику!

Они умолкли и уставились на меня.

— Давайте сейчас поступим таким образом. Вы, Элен, сегодня никаких процедур не проводите. Просто отдохайте.

— А снежки? А как же забор? — вскинулась она.

— Никакого забора, никаких снежков, — категорическим голосом сказал я. — У вас сегодня щадящий режим без нагрузок, короткие спокойные прогулки. После еды можете прогуляться по дорожкам, подышать воздухом. Вы меня поняли?

— Поняла, — с недовольным видом пробормотала Элен.

— А я вот такое спрошу, — не выдержала Сашуля. — Если моих услуг больше не надо, так мне, значит, надо вернуться обратно в Морки?

— Александра Ивановна, не надо вам возвращаться в Морки, — еле сдерживая раздражение, сказал я. — Вы уже сюда приехали, здесь устроились — и будете работать здесь. Элен буквально через пару дней придет в себя, мы разберемся с программой, и вы опять вернетесь к иглорефлексотерапии. Пока это все происходит, вы обещали мне сделать штатное расписание. Правильно?

Александра Ивановна приободрилась и с готовностью кивнула.

— Это раз. Кроме того, посмотрите, пожалуйста, где ванны и кабинет физиотерапии. Что там необходимо сделать. Еще составьте перечень оборудования, необходимого для кабинета физиотерапии. — И, вспомнив про своего Сашку, добавил: — Я закину нашему потенциальному поставщику, который обещал помочь с оборудованием.

Сашуля кивнула, запоминая, что ей надо сделать.

— На этом все, — сказал я. — Вы отдыхайте, Элен, а мы пойдем работать.

Мысленно для себя сделал зарубку, что нужно позвонить Фроловой и занятие с Борькой перенести на завтра-послезавтра, пока Элен не войдет в норму.

Потом посмотрел на другого Борьку, который за все это время не проронил ни слова, только буравил меня пристальным взглядом.

Не сговариваясь, мы вышли из комнаты в коридор, Сашуля ушла к себе, и я спросил:

— Ну что такое? Что опять не так?

— Да все не так, — сказал Терновский и кивнул на комнату. — Давай зайдем куда-нибудь, а то здесь стены картонные. Не надо, чтобы девочки подслушивали.

Мы прошли в мою комнатку и уселись: Борька на стул за столом, а я — на кровать за неимением второго стула.

— Вот смотри, Сергей, — хмуро сказал Борька. — Даже самая обычная, рядовая ситуация, и ты насилу ее разрулил.

Я вскинулся и был категорически не согласен с его оценкой, но Борька жестом остановил меня. Пришлось сдержаться.

— Ты не смог правильно разрулить эту ситуацию. А представь, если у тебя будет двести таких пациентов? И что ты станешь делать?

— У меня планируется большой штат работников, — сказал я. — Будет кому решать проблемы. Неужели вы считаете, что я буду сам бегать к каждому пациенту и смотреть, что да как? Я начну внедрять систему, а самых интересных пациентов, безусловно, осматривать лично, но у меня будут работать терапевты и другие врачи, которые и станут осуществлять основное лечение. Как пирамида.

Борька покачал головой.

— Что-то я не очень уверен, что у тебя это все получится.

— Да послушайте, Борис Альбертович, — резко сказал я. — То, что произошло с Элен — это просто досадное недоразумение. Она вчера лепила снежки, а у нее пока идет процесс адаптации, видимо, с непривычки перестаралась немножко. То есть перегрузилась, на этом фоне, вероятно, сорвался ритм. Утром Элен приняла антикоагулянты, но не сказала об этом. На сам эпизод это не повлияло, но в сочетании с процедурой добавило рисков.

— А если бы она умерла? — сказал Борька.

Я аж вздрогнул.

— Умереть можно в любой ситуации. Можно идти по улице, а тебе кирпич на голову упадет. Если на это все смотреть так, тогда и работать не стоит, и в медицину не надо было вообще идти.

— Ох ты фантазер, Серега, — нахмурился Борька. — Нет, я считаю, ты неправ... Ладно. Хочешь ты заниматься этим санаторием, занимайся. Но не в ущерб диссертации. Я вижу, что ты уперся и тебя не переубедить, так что посмотрим, что у тебя получится. Но имей в виду: в январе ты едешь на новое место, закладывать опыт. Я уже нашел, где это.

— Где? — вскинулся я.

Ответить Борька не успел, потому что на кухне раздался душераздирающий крик тети Нины.

— Что опять? — выскочил в коридор я.

— Пивасик умер!

Глава 8

Не сговариваясь мы выскочили в коридор, причем я был ошарашен. Прикипел-таки к этому стервецу.

— Что с Пивасиком, тетя Нина? Что случилось?

— Да этот гад по привычке вылетел на улицу, — всхлипнула она, — а на дворе же вон холодина какая, а я готовила обед и не увидела, потом форточку закрыла, а он обратно вернуться не смог и замерз! Это я во всем виновата. Я-а-а его убила-а-а!

И она на одной ноте завывала тоненько, по-бабьи.

— Где он? — торопливо спросил я.

— Во-о-он, — размазывая слезы, жалостливо прохрипела тетя Нина и махнула рукой в сторону кухни.

Там на табурете лежал вверх лапками бездыханный Пивасик. И он действительно был мертв. Внизу по полу ходил кругами и жалобно мяукал Валера. Видимо, почувствовал, что друг погиб.

Мы с Борькой бросились к пернатому суслику. Я осторожно взял усопшего на руки.

— Переворачивай на живот, — сказал Борька из-за спины, — только аккуратно. Не резко!

— Сам знаю, — огрызнулся я и принялся реанимировать покойника. Осторожно перевернул его на живот и начал греть дыханием.

— Лампу надо, — сказал Борька и тоже начал активно хекать на окоченевший трупик.

— Да где я ее возьму? — вздохнул я. — Придется так греть.

— А если горячей воды налить в пластиковую бутылку, замотать в полотенце и положить рядом? — с надеждой спросила тетя Нина, которая перестала всхлипывать и приняла самое живое участие в процессе спасения.

— Можно попробовать, — кивнул я. — Все равно хуже не будет.

— Только нужна не горячая, а теплая вода, — подсказал Борька.

— Я разбавлю, — сказала тетя Нина и поставила электрочайник греться.

Прошла минута, вторая. Скотина чайник все не закипал.

— Время уходит, — глухо сказал Борька, потом вдруг воскликнул: — О! Придумал.

Не успел я спросить, что он там придумал, как Терновский ухватил орущего Валеру и посадил рядом с окоченевшим Пивасиком.

— Пусть греет, — сказал он. — Главное, следить, чтобы кот не сожрал попугая.

— Не сожрет, — улыбнулась тетя Нина, довольная, что нашли такое хорошее, хоть и временное средство. — Он витаминизированного корма объелся, не голодный.

Валера, словно чувствуя, что от него многое зависит, терпеливо прильнул к холодному тельцу Пивасика и даже хвост на него сверху возложил, чтоб уж наверняка.

— Еще немножечко... — умоляюще сказала тетя Нина, которая беспокойно следила за медленно нагревающимся чайником. — Ну давай же!

Наконец, она налила разбавленный кипяток в бутылку, обернула все это дело полотенцем и торопливо протянула Борьке.

— Бутылка не протекает? — с тревогой спросил я.

Борька потрогал полотенце и отрицательно покачал головой.

При первом этапе спасения замерзшей птицы главное — следить, чтобы она не перегрелась, тепло должно быть умеренным и без влаги. Если же из грелки или бутылки будет подтекать, птица начнет терять тепло, и состояние может ухудшиться. При этом, конечно, в идеале нужно бы обмотать лапы тканью, бинтом или кусочком чего-то мягонького вроде стираного ситца или детской пеленки, чтобы защитить лапы и избежать повреждений. Но так как мы

перевернули Пивасика на живот и лапы у него сейчас свободно свисали, было решено этого не делать, да и кости у него такие хрупкие, что можно невзначай сломать.

Мы упорно и терпеливо продолжали процедуру согревания, и постепенно Пивасик, как говорится, восстал из мертвых и начал приходить в себя: кожа чуть порозовела, сердце ошутимо забилося, он даже пару раз судорожно вздохнул, трепыхнул крылом и изобразил какой-то не то клекот, не то укоризненный вздох.

— Божечки, кажись, оживает, — радостно прошептала тетя Нина и пододвинула с другой стороны еще одну обмотанную фартуком бутылку с теплой водой. — Может, еще сверху надо?

— Нет, нет, все нормально, — сказал я. — Хватит, а то перегреем. И мы не божечки, Нина Илларионовна, мы врачи. Но спасибо за комплимент.

Тетя Нина фыркнула, но огрызаться на мою подколку не стала.

Борька посмотрел на Пивасика, пропальпировал его, затем аккуратно сдвинул ему веко, рассмотрел глаз и вынес вердикт:

— Он уже приходит в себя. Лишь бы не перегреть, а потом можно будет попробовать покормить, если окончательно очнется.

Я покачал головой:

— Давайте сделаем немного по-другому. — Я развернулся к Марусе, которая как раз выглянула из комнаты. — Ты можешь заглянуть ко мне? Там возле кровати на полу стоит такой серый чемоданчик. Возьми, пожалуйста, две ампулы с раствором Рингера, шприц и тащи все сюда. Только побыстрее. Наш суслик воскресает прямо на глазах.

Маруся кивнула и быстренько метнулась в мою комнату, а когда вернулась с ампулами и шприцем, я аккуратно сделал подкожную инъекцию в складку между лапкой и телом птицы. Пивасик дернулся, но мужественно вытерпел.

— Все, все, миленький, — зашелестела тетя Нина. — Уже закончилось.

— Не все, — ворчливо сказал я и сделал еще одну инъекцию с другой стороны. — А вот теперь уже все.

Небольшие подкожные вливания помогают восполнить жидкость и поддержать организм после переохлаждения. Главное, не переборщить с объемом, чтобы не перегрузить его.

Маруся забрала у меня пустой шприц и с жалостью проговорила:

— Бедненький...

— Тетя Нина, Пивасика мы отогрели, — сказал я. — Он сейчас поспит, а когда окончательно придет в себя, где-то через час или позже, его можно будет покормить.

— А это я мигом, мигом. Я вот гороховое пюре сделала со шкварками, — радостно хлопотала тетя Нина.

— Нет, нет, — категорически сказал я. — Никаких шкварок. Возьмите тот корм Валеры, что я привозил из Москвы. Когда Пивасик придет в себя, отсыпьте немного, слегка размочите в теплой воде и дайте. Пусть ест понемногу. Ему сейчас нужна белковая пища с витаминами, желательно животного происхождения.

При звуке своего имени Валера насторожил уши и принялся крутиться вокруг табуретки. Он чувствовал, что что-то здесь не так, но понять пока не мог.

— Но он же не любит все это, — попыталась возразить тетя Нина.

— Сейчас надо именно такую еду. Значит, нужно как-то заставить.

— Это я могу, — усмехнулась тетя Нина. — Я вон даже Чепайкина заставила... — Она осеклась, поняв, что сболтнула лишнего, и смутилась.

Я по-джентльменски сделал вид, что поглощен состоянием пернатого суслика и не обратил внимания. А Борька и так был на своей волне и не врубился.

Поручив тете Нине хлопотать над Пивасиком, я выдохнул, тщательно вымыл руки, и мы втроем с Борькой и Марусей вышли из кухни.

— Уф, — сказал я, — сколько мороки с этим зоопарком. Капец прямо.

— А кто тебя заставляет заниматься всем этим зоопарком и санаторием? — раздраженно проворчал Борис, когда мы втроем вошли обратно в комнату и расселись на стульях. — Я еще раз подчеркиваю: ты должен вот эту всю ерунду бросить и сосредоточиться исключительно на научных исследованиях.

— Так я и сосредоточен на научных исследованиях... — сказал я.

— Да ты что! И где?! — Борька от раздражения аж затопал ногами. — У тебя, кроме вот этой пациентки, которой внезапно поплохело, и, соответственно, она уже не является репрезентативной, больше ни одного человека нет. А я же тебе говорил о больших фокус-группах, с которыми надо работать. Ты уже несколько дней как вернулся из Москвы. А здесь, на месте, фокус-группу не собрал. Даже десяти человек нет. И что ты дальше намерен делать? Нет, только не надо мне сейчас рассказывать, что трубы надо протягивать и ванны менять. Это меня совершенно не интересует. Это для отечественной науки полная ерунда. Ты просто хочешь быстрого обогащения.

— Стоп, стоп, стоп. — Теперь уже я прервал Борьку. — Для того чтобы собрать фокус-группы, прежде всего нужна ресурсная база. И вот этот санаторий и есть то место, где я соберу моркинскую фокус-группу. Потому что у людей, которые живут дома, постоянно есть какие-то отвлекающие факторы, которые будут менять все результаты: то свадьба у свояка, то крестины у кума, то еще что-то. Там выпил, тут простудился, на какую-то рыбалку пошел, перетрудился — и все, вот уже идут непоказательные результаты. Мне же для репрезентативности надо, чтобы все были в одинаковых условиях, согласно методике, правильно?

Борька нехотя кивнул.

— К тому же все должны быть под моим круглосуточным пристальным надзором. Хотя бы пока я не обкатаю пилотный вариант методики. И вот когда все будут помещены в санаторий, я смогу смотреть, что и как. Тогда уже можно будет вести речь о фокус-группе. Кроме этого санатория я вариантов не вижу. И теперь скажите, что я неправ.

Борька промолчал. Согласиться он не мог — гордость не позволяла, но и поспорить вроде было не о чем. Поэтому он быстро переключил разговор на другую тему:

— Значит, так, Епиходов, — сказал он, — в январе готовься, поедешь, я тебе уже говорил, в другую область и там будешь прорабатывать методику на других фокус-группах. По моим прикидкам, у тебя каждый месяц будет новая территория для работы с разными людьми. До этого времени ты должен запустить исследование здесь. Ты меня хорошо понял?

Я кивнул: мол, да, понял.

— Так, подожди. — Борька не собирался сдаваться. — То, что ты мне покивал сейчас с умным видом, как и в прошлый раз в Москве, — это все ерунда. Мы сейчас с Марусей уедем, а ты опять начнешь забор менять или обои клеить.

— Забор делает Элен, — машинально поправил Борьку я.

Маруся вскинула на меня удивленный взгляд. Но Борька не обратил на такую малосущественную мелочь внимания, подумаешь, пенсионерка из города, весом меньше чем мешок картошки, делает забор. Его голова сейчас была забита другим.

— Это неважно, — ворчливо сказал он. — Ты мне скажи, Епиходов, какой выход из этой ситуации? Как ты это видишь? Как собираешься создавать фокус-группу?

Я крепко задумался. Как ни крути, а Борька здесь абсолютно прав. Санаторий начнет функционировать — нормально функционировать, я имею в виду, — не раньше февраля, да и то по самым оптимистичным прогнозам. То, что Элен на свой страх и риск приехала сюда, — форс-мажор. Условия у нас пока что не те, в каких должны жить пациенты. Поэтому мне им предложить сейчас нечего. А если сжать сроки до января — думаю, это будет где-то середина месяца, когда пройдут рождественские праздники. И раз мне придется уехать в другое место, до этого времени действительно следует создать здесь группу, на которой я уже начну проводить исследования. И оставить с ними какую-нибудь Венеру или ту же Диану, если она дей-

ствительно сюда приедет, чтобы продолжали фиксировать наблюдения, пока я буду мотаться по регионам. Вот и получается, что ответить нормально Борьке сейчас я не могу.

По приблизительным прикидкам, в ближайшее время создать фокус-группу в Морках, увы, не получится. Но сказать это Борьке в лицо я не могу, нельзя же научному руководителю заявить, что не справишься с работой. Так что я принялся судорожно перебирать варианты. Думал, размышлял, выкручивал и так и эдак. И тут меня осенило.

Я повернул голову к Борьке, который с отрешенным видом, сердитый и надутый, смотрел в окно на начинающуюся вьюгу, и сказал:

— Борис Альбертович. Отвечу на ваш вопрос таким образом. Пока в санатории не будет налажено все как положено, фокус-группу я планирую начать формировать в ближайшие дни на базе другого места.

— Какого? — подозрительно спросил он.

— В Морках есть дом престарелых. Там находятся старики, оказавшиеся в сложной жизненной ситуации: одинокие, не способные за собой ухаживать и так далее. И вот я думаю, что нужно туда приехать и выбрать из этих людей тех, которые подходят по основным показателям.

Борька заинтересованно хмыкнул.

— Поэтому фокус-группа будет первое время на базе дома престарелых, — продолжил развивать мысль я, — затем можно будет их переводить в санаторий на какое-то время и дополнительно понаблюдать за их состоянием. Вот и все.

Маруся просияла и чуть не захлопала в ладоши. Это был очень хороший и оригинальный выход. Она мне подмигнула, причем постаралась, чтобы Борька этого не заметил.

— Ну, в принципе, да, — сосредоточенно покивал Борька и почесал затылок.

Он надолго задумался. Я молчал, стараясь не перебивать, знал, что Борька может легко потерять мысль.

— Только не послезавтра, — рыкнул он и веско добавил: — Сегодня поедem.

— Что? Нет, нет, нет, — замахал руками я. — Ну как вы себе это представляете? Старики там живут, у них какой-то свой распорядок, программа, и тут мы как снег на голову сваливаемся и начинаем исследовать их. Нет, сначала нужно взять разрешение. Вы же сами знаете, Борис Альбертович. Я скоро буду в администрации и заодно спрошу. Для этого мы составим официальное письмо, и только потом, когда нам разрешат сверху, посетим дом престарелых. Я даже знаю, кто мне поможет это письмо сделать.

Я вспомнил про Сашулю и порадовался, что она у меня теперь работает. Нужно будет ее все-таки ставить заместителем, а не заведующей физиоотделением.

Борька нехотя кивнул, затем пристально посмотрел на меня и сказал:

— Ну хорошо. Завтра так завтра. Но вот сейчас еще полдня есть. И чем мы, по-твоему, должны здесь заниматься? Послезавтра мы с Марусей уезжаем. А сейчас мне что делать? Ходить вокруг твоего санатория и смотреть на трубы или что?

Я сдержал рвущиеся наружу слова о том, что он вообще-то обещал приехать аж через два дня, к тому времени у меня программа развлечений была бы готова. А теперь что делать? Однако вслух я сказал совсем другое:

— Легко отвечу на ваш вопрос, Борис Альбертович. Сейчас я на десять минут отлучусь и потом сообщу вам программу.

Борька посмотрел на меня с подозрением.

— А вы пока попейте чай. Тетя Нина там булочек, кажется, испекла, как раз нормально будет.

Пока мои гости ходили пить чай, я призадумался. Комнаты для Борьки и Маруси тетя Нина уже готовила — две свободные во флигеле (Сашуля заняла только одну, еще две оставались под подселение). Значит, ночевать им есть где, осталось план на вечер сочинить такой, чтобы гости запомнили.

Ну а что может быть лучше выезда на природу? Особенно в декабре? Злорадно хмыкнув, я быстренько набрал Геннадия, бывшего зятя Тайры Терентьевны, водителя молоковоза.

— Здравствуйте, Геннадий, — сказал я.

— А, здорово, Сергей Николаевич, — улыбнулся он, судя по довольному тону. — Какими судьбами? Что-то случилось или как? Как там тетя Нина?

— Все хорошо, — сказал я, не вдаваясь в подробности. — Маленький такой вопросик, Гена. Ты как-то говорил, что на рыбалку собираешься, да все что-то мешает?

— О да, помню. Капец как хочу. Да все никак не раскатаюсь. То денег нет, то Клавдия не пускает. — Я вспомнил, что это его третья жена, а Геннадий добавил: — Ну и лед же еще ждали.

— Слушай, Геннадий, очень надо, — сказал я. — Представляешь, ко мне приехал научный руководитель и тут такое творит. У меня уже нервов не хватает. Надо его хотя бы на вечерок на природу вывезти, чтобы он эту рыбалку хорошо запомнил. А лучше с ночевкой! Иначе он меня сожрет.

— Сделаем! — радостно сказал Генка. — И Клавдия отпустит, раз доктор Епиходов с научным руководителем тоже едут. Куда она теперь денется! Единственное что сейчас с деньгами чуток туговато.

— За это не беспокойся, все спонсирую, — сказал я. — Ты, главное, организуй. Возьми пару мужиков таких, чтобы с профессором могли на нормальном уровне поговорить. И что там еще надо для рыбалки — палатки, удочки?

— Все сделаем. И котелок у меня есть, и шашлыки будем жарить. Все, все, все сделаем! А как с деньгами: вы сейчас даете или потом вам счет подготовить? Так-то у меня вообще ни копейки, но я могу в долг взять.

— Давай поступим так: я сегодня в администрацию приеду, и мы с тобой где-нибудь пересечемся. Я дам денег, сколько надо. Ты только прикинь сколько. Договорились?

— Хорошо, — обрадованно сказал Генка и припечатал: — Игорька с собой возьмем, он как раз интеллигентный, и Гришку...

— Какого Гришку? — спросил я.

— Ну, Гришку Рыжего, который рыбу коптит. Как раз он на месте пригодится.

Мы с Генкой обсудили еще кое-какие дела, и я отключился. Довольная улыбка озарила мое лицо: ну, гадский Борька, теперь держись, раз напросился — сейчас ты все моркинское гостеприимство прочувствуешь на себе!

Глава 9

Улыбка еще не сошла с моего лица, как вернулся свирепый повелитель научной нейрохирургии по имени Борька со сдобной булочкой в руке и прямо с порога заявил:

— У меня важное сообщение! Мы прямо сейчас едем в дом престарелых выбирать фокус-группу! — С этими словами он с аппетитом откусил румяный бочок, и по его наглой морде расплылась улыбка.

А моя, соответственно, сошла на нет.

— Борис Альбертович, — нахмурился я и принялся повторять в очередной раз дубоватому шефу: — Мы же с вами уже обсуждали, что нужно взять официальное разрешение...

— А оно уже есть! — Лицо Борьки засияло аки ясно солнышко. Он даже жевать перестал и приосанился.

— Да ладно! — не поверил я.

— Нехорошо не доверять своему наставнику, Епиходов, — нравоучительно покачал головой шеф и с деланой печалью посмотрел на нерадивого меня.

— Но как...

— Легко отвечу на твой вопрос, Епиходов, — ухмыльнулся Борька, чуточку рисуясь. — Я позвонил замдиректора нашего института. Поверь, он толковый мужик... в организационных вопросах. В науке так себе, но я его периодически включаю в соавторы... — Борька понял, что сболтнул лишнего и осекся. Затем метнул на меня внимательный взгляд.

Я сделал вид, что не врубился. Да, вот такой я наивный выюнош со взором горящим.

Борька облегченно вздохнул и продолжил:

— Так вот, значит, звякнул я ему и в двух словах обрисовал ситуацию. Ну и он же мне не откажет. Вот и прислал скан письма со всеми печатями и подписями.

— Ладно. — Я не стал углубляться в нюансы электронного документооборота. Мне это было совершенно до лампочки. — А где письмо?

— Так он сразу в дом престарелых и отправил. И мне копию тоже скинул. Но я сейчас не буду в электронке рыться и искать, — фыркнул Борька, — так что пять минут на сборы и по коням!

Я невольно восхитился наивным оптимизмом моего шефа: «пять минут на сборы». Особенно с Марусей, ага! В общем, как я и ванговал, эти пять минут превратились почти в час, потому что сначала все допивали чай с булочками, потом ждали, пока тетя Нина подоит козу и проконтролирует, чтобы все обязательно попили парного молока «на дорожку», потом Маруся долго искала лыжный костюм, чтобы одеться тепло, потом еще что-то, тоже совершенно срочное и необходимое. И в результате, когда мы выдвинулись на место, дело близилось к вечеру.

В Морках я пересекся с Геннадием и быстро передал ему деньги на организацию рыбалки, после чего мы договорились держать связь, так как когда именно мы с Борькой освободимся, было пока непонятно.

Ну а потом мы с Терновским отправились в дом престарелых. Вернее, он здесь носил гордое название «пансионат для пожилых людей» и представлял собой типовое казенное здание.

Мы вошли внутрь, и нам кивнул хмурый охранник — он уже был предупрежден о неожиданных гостях. Навстречу моментально заспешил невысокий толстячок в белом халате и с приклеенной радушной улыбкой, но в глазах его мелькала безнадега и желание, чтобы это все поскорее закончилось.

— Здравствуйте, здравствуйте, гости дорогие! — приветливо прижимая руки к груди, заворковал он. — Нас предупредили, что аж из Москвы известный профессор медицины приедет со своим аспирантом... ой, аспиранткой. — И тут его взгляд переместился с Маруси на меня, и маленькие глазки полезли на лоб.

— Здравствуйте, — вежливо сказал я.

Толстячок сглотнул ком в горле и натянуто улыбнулся. Он меня явно знал.

— Аспирант профессора Терновского — это я, — пояснил я, а Борька согласно кивнул с важным «профессорским» видом.

Маруся улыбнулась.

Толстячок побагровел и с усилием продолжил:

— Конечно же, мы с радостью готовы вас принять и поделиться опытом работы. Пожалуйста, пожалуйста, проходите сюда. Очень прошу...

Бросая на меня настороженные взгляды, он потянул нас к себе в кабинет, тараторя с такой скоростью, что аж голова закружилась:

— В нашем пансионате отличные условия для проживания морковчан пенсионного возраста. Вся инфраструктура здания подчинена одной цели — созданию комфорта и безопасности для наших старичков и старушек...

— Подождите, — сказал Борька, пытаясь затормозить это концентрированное радушие. — Нам сперва нужно посмотреть на ваших старичков и старушек. У них же сейчас по графику что должно быть?

— Согласно утвержденному Минздравом графику, сейчас у них свободное личное время: тихие игры, просмотр фильма в специально оборудованном месте для отдыха, а также проведение иных культурных мероприятий, — зачастил заведующий. — Так что все хорошо. Они могут быть в любой момент представлены вам. Но давайте пройдем ко мне в кабинет. Я немножко расскажу вам об истории создания нашего дома для престарелых, покажу, какие у нас есть грамоты и благодарности от вышестоящего руководства...

— Но нам не нужны грамоты, — дипломатично сказала умничка Маруся. — Нам нужно посмотреть на пациентов. Ради этого мы и приехали к вам аж из Москвы.

— Ой, ну что вы, что вы! Это не займет много времени! — Толстяк нас так тянул в кабинет, что сразу стало понятно: там накрыт стол, и он надеется напоить, накормить нас и отпраздновать воссоединение. Чем-то это все напоминало, как Остап Бендер посещал подобную богадельню под управлением «голубого воришки» и его ненасытной семьи.

После недолгих, но яростных препирательств мы втроем все-таки победили расстроенного руководителя и настояли на том, что сейчас должны пойти посмотреть на стариков и выбрать тех, кто нам подходит.

— А что вы будете с ними делать? — залебезил толстячок, покосившись на меня.

— Мы просто отберем несколько человек по определенным параметрам, составим фокус-группу, — пояснил я. — Затем будем изучать их жизненные показатели и смотреть, как у них проходит борьба со старением. Кроме того, будем давать рекомендации и наблюдать за тем, как у них изменяется жизнь.

— У нас для наших старичков создана очень хорошая жизнь, — сразу же зачастил толстяк. — Поэтому вы даже не думайте. Они на полном довольствии государства, а еще наша администрация выделяет дополнительные субсидии. Мы для них покупаем самые лучшие продукты у отечественных производителей и одежду хорошую, она вся натуральная. Наши старички могут выбрать условия проживания с разным уровнем комфортности. Номера рассчитаны на размещение четырех, трех и двух жильцов. Особой нашей гордостью является то, что есть и индивидуальные апартаменты, в том числе повышенного уровня комфорта с гостевой комнатой. В шаговой доступности находится санузел и душевая. Для приема пищи предусмотрена столовая...

Монотонным голосом он принялся нам объяснять такие подробности, что даже Маруся закатила глаза и терпеливо ждала, пока это все закончится. Наконец Терновский не выдержал и сердито топнул ногой.

— Идемте! — велел он непререкаемым тоном.

Толстяк был оборван на полуслове. Мы поднялись на второй этаж и вошли в просторный холл. Как ни старалось руководство, поддерживая отечественного производителя и пытаясь обеспечить старикам все необходимое, обстановка нас встретила казенная. Не ощущалось тут домашнего тепла и уюта, которые хотелось бы иметь людям в конце жизни. Но, справедливости ради, стоит отметить, что все было чистенько, аккуратненько, везде следы недавнего ремонта: новые окна, на полу линолеум. Все как бы прилично, но все равно нерадостно.

При этом толстячок, снова покосившись на меня, чуть отстал и потянул за рукав Терновского.

Тот тоже задержался. Мне стало любопытно, и я замедлил шаг. Чувствуя спиной буравящий взгляд толстячка, я тем не менее услышал, как он свистящим шепотом зачастил:

— Борис Альбертович! Этот ваш аспирант, Епиходов. Вы хоть знаете, какая у него здесь репутация?

Что ответил Борька, я не расслышал, надеюсь, не ругался, но толстячек был настойчив:

— Да я вам говорю! И из больницы его уже давно выгнали! Так что подумайте, нужно ли вам во все это влезать...

Опять послышался невнятный бубнеж Борьки.

Я аж раздражаться начал, сколько мне пришлось повозиться в свое время, ставя ему голос! Ну неужели нельзя говорить поразборчивее?

— А с санаторием у него все равно ничего не получится... — Дальше, как я ни прислушивался, доносилось лишь невнятное бормотание.

Я не выдержал и развернулся. И без обиняков спросил, глядя прямо на толстяка:

— Не совсем понял вас. Что не так? У вас ко мне за претензии?

Тот побагровел и смутился:

— Ничего, ничего. Вам послышалось.

Толстяк явно побоялся пойти на открытый конфликт, а Борька лишь хмыкнул и ничего не сказал. Ну ладно, основное я уже понял: этот толстячок явно меня недолюбливает. Причем настолько, что решил моему научному руководителю наябедничать.

Тем временем Борька и заведующий тоже вошли в холл, и разговоры тет-а-тет им пришлось прекратить.

Старики и старушки — примерно человек десять — сидели в этом большом холле. Две бабушки вязали на спицах и о чем-то тихо между собой переговаривались. Еще одна сидела в теплом платке и отчужденно смотрела в окно. Два дедка играли в домино, азартно переругиваясь между собой. Еще несколько читали газеты, и один писал что-то, видимо, письмо.

Мы вошли в холл, и заведующий громко хлопнул в ладоши несколько раз. От резкого звука старички вздрогнули и прекратили заниматься своими делами.

— Внимание! — воскликнул он. — Прошу всех приготовиться, сейчас у нас будет проверка. Из Москвы приехал профессор со своим учеником, который отберет несколько человек, для того чтобы ставить над вами опыты...

— Позвольте, я сам, — раздраженно перебил его Терновский.

Все старички растерянно стянулись поближе к нам, некоторые выглянули из своих комнат. Терновский сказал:

— Уважаемые товарищи! Мы с моим учеником Сергеем Епиходовым планируем изобрести рецепт, как остановить старость и сделать так, чтобы человек, который сейчас уже в возрасте, мог все оставшиеся годы доживать в активном состоянии, не угасая и не ощущая физической беспомощности. А для этого нам очень нужна ваша помощь. Нам требуется внимательно изучить ваши показатели здоровья. И поэтому мы хотим с каждым из вас немножко побеседовать. Просто побеседовать и все.

— И все? — с подозрением спросил какой-то дед, прищулив глаза.

— И все, — кивнул Терновский. — Обещаю, это не больно. Вы только ответите на пару вопросов. Из тех, кто нам подойдет, мы составим группу в пятнадцать человек и будем за вами периодически наблюдать: какое у вас давление, какой сахар, сердечные ритмы и другие показатели. То есть здесь нет ничего страшного: вас не будут ничем колоть, никаких манипуляций проводить, исключительно наблюдать за вашим здоровьем. Это добровольно, конечно же. Зато потом, через некоторое время, вам будут даны рекомендации: как правильно заниматься спортом, какую деятельность вести и так далее. То есть с вашей помощью мы хотим найти рецепт здорового долголетия. Вы согласны нам помочь?

При этом он лихо командовал, не давая мне сказать даже слова, явно наслаждаясь ситуацией и всеобщим вниманием. Я всегда знал, что Борька-шалопай очень любит выступать и чувствовать народное обожание.

Старички робко закивали. Одна старушка даже улыбнулась и несмело захлопала в ладоши. Видимо, развлечений у них было мало, а тут такая прям сенсация.

— Вот и отлично, — сказал довольный Терновский и повернулся к нам с Марусей. — Давайте первых троих отберем все вместе. Я начну, а вы наблюдайте и запоминайте мои действия. Затем мы разделимся, и каждый отберет по четыре человека. Так будет быстрее.

Борька орлиным взором окинул разношерстную массу пожилых людей и, прищурившись, кивнул на одинокого мужчину примерно лет за семьдесят, который задумчиво смотрел в окно, прислонившись к подоконнику.

— Вот давайте с него и начнем, — сказал Терновский.

Мы с Марусей и Борькой подошли к старичку, и Борька хорошо поставленным голосом явно с излишним оптимизмом сказал:

— Добрый день. Мы решили побеседовать сначала с вами. Вы же не будете возражать?

Старичок посмотрел на нас серовато-белесыми глазами и демонстративно промолчал. Над ним высветилась табличка:

Аристарх Петрович Игнатов, 85 лет

Прозвище: Трутень.

Интересно. А ведь такие клички в деревне просто так не дают. Если он не сиделец, то люди обычно такие прозвища придумывают по основным качествам или поведению, значит, он действительно трутень. То есть прожил всю жизнь, не имея постоянного места работы, и в результате, видимо, попал в дом престарелых, потому что ничего не накопил. Как стрекоза из неизвестной басни Крылова. Ну что ж, интересно будет его послушать.

Я взглянул на Борьку. Тот кивнул старичку и предложил присесть за столик. По периметру помещения стояло несколько журнальных столиков, вокруг которых сгруппировались диванчики и кресла. Мы все чинно расселись за столиком, остальные же старички крутились поодаль, пытаясь прислушаться к нашему разговору, и шум, который до этого стоял в помещении, стих. Все молчали, никто не смеялся, не играл в шахматы и домино — переживали и ждали, чем все закончится, учитывая, что Аристарх Петрович был первым.

Тут же подскочил толстый руководитель этой богадельни и, заламывая руки, взволнованно затараторил:

— Уважаемый профессор Терновский, а давайте вы лучше пообщаетесь вон, например, с Аделаидой Петровной, она у нас была ударницей социалистического труда. Или же есть у нас Михаил Потапович, он очень хороший плотник, золотые руки, всегда был на доске почета. Вот давайте лучше я вас с ними познакомлю.

Он попытался нас аккуратно оттеснить от старичка, но Борька уперся рогом и все-таки захотел поговорить именно с Игнатовым.

— Сколько вам лет? — задал он первый вопрос.

Старик отвернулся и не ответил, лишь что-то прошамкал неразборчиво.

— Вот, — любезно подсунул Борьке какую-то бумажку заведующий, — здесь основная информация обо всех наших пациентах. Аристарх Петрович — вот он, под номером восемнадцать.

— Восемьдесят пять лет, — уважительно покивал Борька и окинул взглядом старика. — А по внешнему виду и не скажешь. Я бы дал семьдесят.

— А я бы даже шестьдесят пять, — поддакнула Маруся.

Но на старичка эти реверансы никакого впечатления не произвели. Он продолжал нас игнорировать.

— Аристарх Петрович, — не сдавался Борька. — Как вы оцениваете уровень своего питания? Я имею в виду аппетит, разнообразие пищи?

Старик продолжал молчать. Толстый директор все ерзал и бледнел.

— Можете ли вы самостоятельно одеться, раздеться, помыться? Как бы вы оценили свое зрение? Достаточно ли оно хорошее, чтобы читать газеты и смотреть телевизор? — уже не надеясь на ответ, спросил Борька.

Обстановка накалялась.

Наконец я не выдержал и решил тоже задать вопрос:

— Аристарх Петрович, — спросил я как бы между прочим. — А почему вас называют Трутнем?

Игнатов отчетливо вздрогнул и изволил обратить на меня внимание. Но ответить не успел — у меня зазвонил телефон. Я мельком взглянул на экран — тетя Нина. А уж она просто так тревожить не будет. Поэтому я, извинившись взглядом, ответил:

— Слушаю. Что случилось?

— Сережа! — Голос тети Нины звучал взволнованно. — У нас воды нет!

— И что? Отправьте Сармана или еще кого-то из япаровских ребят. Пусть починят. Ну, или аварийную службу вызывайте.

— Так они смотрели! — воскликнула тетя Нина. — И в диспетчерскую Тайра Терентьевна звонила. Это не поломка. Нам перекрыли воду!

— Как перекрыли? Кто?

— Не знаю. Наиль поехал разбираться. Но я сомневаюсь, что он хоть что-то выяснит в такое время.

— Ладно, — озадаченно пробормотал я, — воды нет, но вы держитесь. Мы скоро вернемся. Если что, отправьте пару мужиков, пусть они бочку привезут. А то мало ли что и на сколько это затянется.

Тетя Нина клятвенно пообещала все организовать и отключилась.

А я задумался — кто бы это мог быть и зачем?

Глава 10

Я отложил телефон и задумчиво уставился в окно, как несколько минут до этого Аристарх Петрович Игнатов, он же Трутень. На мгновение я ему даже позавидовал, вот бы и мне денечек хотя бы побыть тунейдцем...

— Что случилось? — Маруся тихонько тронула меня за плечо, в ее глазах плескалась нешуточная тревога.

— Потом скажу, — шепнул я и, извинившись, набрал Наиля.

Нужно было разобраться, что происходит, и от юриста я ждал больше конкретики, чем от тети Нины.

— Разбираемся, что там с водой, Сергей Николаевич, — сразу ответил он. — Тут, кстати, опять какие-то мутки с районной администрацией. Снова перенесли нашу с ними встречу на завтра. Мне кажется, это звенья одной цепи.

— Думаешь?

— Ну, согласитесь, подозрительно все это. Ладно, я все постараюсь выяснить.

Мы попрощались, а я вернулся к анкетированию, которое проводил Борька. А уж тот изгалялся и все выпрашивал старика. На все вопросы Аристарх Петрович отвечал нехотя, но после того, как я озвучил его прозвище, общение немного наладилось, и он хотя бы на часть вопросов начал-таки отвечать.

— Что скажешь? — спросил, посмотрев на меня, Борька, после того как из старика вытянули клещами все необходимые ответы.

— Скажу так: у этого человека уникальная теломераза, — задумчиво сказал я. — Если он выглядит почти на двадцать лет моложе, то, конечно, для исследования это было бы крайне интересно. И в связи с этим я снова думаю, что нам нужно брать не одну, а две группы. И увеличить выборку: не по десять, а по пятнадцать человек. А лучше вообще по двадцать.

— Как по двадцать? — нахмурился Борька. — Да ты в своем уме?! Что за гигантомания!

— Борис Альбертович, нужна контрольная группа и группа вот таких людей с уникальными данными, для того чтобы сравнивать. И так, наверное, придется делать по каждому фокус-контролю.

Борька задумчиво почесал затылок, а затем нехотя кивнул.

— Мы с вами свяжемся, — сообщил он старичку, который облегченно выдохнул и поспешил ретироваться. — Давайте следующую кандидатуру. Что-то мы долго возимся.

— Я бы предложила вон ту женщину. — Маруся кивнула на даму (иначе назвать ее было нельзя), которая с величественным видом сидела немного поодаль от всего коллектива и рассматривала какой-то журнал.

Мы подошли поближе. Я мельком взглянул на журнал: это был альманах, и читала она биографию Шаляпина.

О как! Явно женщина в свое время отнюдь не в колхозе работала.

Система тут же высветила ее имя:

Зинаида Германовна Мейр-Сафонова, 73 года

Прозвище: Душечка.

Ого! Да здесь, оказывается, и такие замечательные экземпляры водятся! И возраст у нее был хороший — по идее, еще не очень старая бабушка.

— Добрый день, — представился Борька. — Я профессор Борис Альбертович Терновский, а это мои ученики. Вы не против принять участие в нашем исследовании?

— Слушаю вас, — церемонно кивнула нам женщина и царственным взмахом руки предложила присесть напротив.

Мы все, словно цыплятки, уселись напротив. Она вновь одарила нас взглядом и заметила:

— Только не на все вопросы я буду отвечать, дорогие мои, предупреждаю сразу. Если какой-то вопрос покажется мне неуместным или абсурдным — уж не обессудьте, я его пропущу.

Сказано это все было таким торжественным тоном, что даже у Борьки не возникло никакого желания спорить или что-то доказывать. Он лишь мельком кивнул и начал задавать те же вопросы, что перед этим Игнатову.

— Скажите, вот вам семьдесят три года, — заговорил Борька, заглянув в бумажку и кивнув Зинаиде Германовне. — Какое у вас питание? Есть ли аппетит?

— Аппетит у меня, молодой человек, неприличный. — Зинаида Германовна усмехнулась. — Кусочек торта могу себе позволить с удовольствием, даже два. Иногда и три, чего там скрывать. Талию давно не мерила и не собираюсь.

— А скажите, можете ли вы самостоятельно одеться, раздеться, помыться? — продолжил Борька.

Зинаида Германовна посмотрела на него как на умалишенного и чопорно проговорила:

— Молодой человек, что за оскорбительные вопросы? По-вашему, я что, совсем развалина?

Маруся поперхнулась, а Борька крикнул и уткнулся в анкету.

— Так, хорошо. А как у вас со зрением, со слухом? — продолжил он. — Достаточно ли острооты, чтобы читать газеты, мелкий шрифт в книгах?

— Читаю без очков после операции на катаракту. — Зинаида Германовна кивнула на альманах. — Про Шалапина вот читаю. Газеты в руки не беру, нечего там читать. Слух тоже в порядке, раз уж я вас не переспрашиваю, могли бы и сами понять.

— А не беспокоят ли вас головокружения, шум в ушах? — невозмутимо продолжил Борька.

— А это, дорогие мои, я уже предупредила, попадает под мою сегодняшнюю оговорку. Что у меня шумит и где кружится не тема для беседы с тремя малознакомыми людьми. Дальше, пожалуйста.

Борька открыл было рот, но тут же его закрыл. Я про себя улыбнулся.

— Хорошо, идем дальше. А как у вас с прогулками, с физической активностью? — спросил Борька. — Гуляете ли регулярно, есть ли любимый маршрут?

— Хожу. Сколько хочется, столько и хожу.

— А сон у вас как? — продолжил он. — Достаточно ли спите, не мучает ли бессонница?

— Засыпаю мгновенно. В молодости так не получалось. А вообще, я скажу так, — произнесла Зинаида Германовна глубоким грудным голосом. — Знаете, я очень счастлива от того, что состарилась.

У Маруси глаза полезли на лоб, и Зинаида Германовна, кратко усмехнувшись, пояснила:

— Понимаете, с недавних пор я вдруг поняла, что старость — это великий дар. Величайший. Да, да, не удивляйтесь, ребята, это действительно дар, это свобода. Ведь только сейчас я могу жить так, как хочу сама. Я это заслужила.

Она вновь усмехнулась и продолжила:

— Да, когда я смотрю на себя в зеркало и вижу это морщинистое лицо, мешки под глазами, где от былой красоты ничего уже не осталось, а поверьте, я ведь блистала в столичных театрах и мне аплодировали величайшие люди нашей страны, я, конечно же, грущу и печалюсь... Но жизнь так повернулась, что нынче я живу в прекрасном уголке в Марий Эл. Здесь очень красивая природа, я думаю, вы это заметили, здесь целебный воздух. Живу так, как мне хочется. Могу себе позволить съесть кусочек торта или даже два и совершенно не беспокоиться

о том, что моя талия вылезет за пределы нормы. Могу одеваться так, как вздумается, и делать то, что взбредет в голову. Вот вчера я шла по улице — да, нас иногда, можете себе представить, отпускают, — заглянула в магазин и купила стеклянную лягушку. Не знаю, зачем она мне. Ну вот захотелось, и у меня сейчас в комнате на столе стоит огромная стеклянная лягушка, эдакая уродская жаба с бородавками. Мне просто захотелось — и я ее купила. То есть я могу вообще не оглядываться ни на что. Считаю, что только сейчас я по-настоящему живу. А сколько людей, моих ровесников, одноклассников, людей, с которыми я работала в театральной труппе, не дожили до этого возраста, рано умерли. Сколько детей уходят в младенчестве — а вот я до сих пор живу. И живу прекрасно, хоть вижу в ваших глазах жалость от того, что я нахожусь в доме престарелых. Но не надо жалеть меня, не надо, молодые люди. Я ведь специально отказалась от своей родни, чтобы не утруждать их хлопотами о себе, и поселилась здесь, в пансионате. Как оно ни есть, но здесь довольно-таки неплохой уход, хороший коллектив, внимательные работницы, и я вполне довольна своей жизнью. Я часто надеваю к ужину красивое платье, перчатки, делаю укладку. Иногда посещаю выставки, которые привозят в Дом культуры. И мне хорошо. А вы своими этими исследованиями хотите отобрать мою старость? Вернуть меня обратно в то время? Может, скажете еще вставать в семь утра, бежать на работу в офис? Нет, нет, нет, свою теперешнюю свободу я ни на что не променяю!

Маруся аж подпрыгнула от такого монолога и принялась сбивчиво объяснять, что имеется в виду не забрать обратно старость, а просто сделать ее активной и легкой, но Зинаида Германовна не стала слушать — лишь покачала головой с какой-то потаенной снисходительной печалью.

И тут со стороны коридора послышался шум.

— Что случилось? — забеспокоились люди.

— Марья Ивановна упала! — воскликнул кто-то.

Мы с Борькой и Марусей, не сговариваясь, поспешили туда.

В коридоре уже толпился народ. У дверей столовой на боку лежала сухонькая бабушка в синем халате. Левая рука ее была поджата, а правая нога выпрямлена и развернута стопой наружу.

У меня внутри все подобралось и сердце екнуло, потому что это была классическая поза при переломе шейки бедра.

Опустившись на колени, я аккуратно тронул бабушку за плечо.

— Марья Ивановна, голубушка, слышите меня? Не двигайтесь.

— Слышу, сынок, слышу, — пробормотала она, морщась. — Поскользнулась я. Какой-то паразит что-то пролил или наследил мокрым, а я не углядела.

Услышанное порадовало, потому что ясное сознание и связная речь — уже плюс. Я задал еще пару вопросов: где именно болит и не ударились ли головой. Голова не страдала, темноты в глазах перед падением тоже не было. Болело у бабушки — она показала рукой — справа в боку и в области бедра.

И только тогда я активировал Систему.

Диагностика завершена.

Объект: Марья Ивановна, 81 год.

Основные показатели: температура 36,7 °C, ЧСС 96, АД 150/85, ЧДД 18.

Обнаружены аномалии:

— *ушиб мягких тканей правого бока.*

— *ушиб правой ягодичной области.*

— *системный остеопороз, Т-критерий $-3,2 SD$, высокий риск низкоэнергетических переломов.*

— *возрастная саркопения, выраженная.*

- *гипертоническая болезнь II стадии, гипертрофия левого желудочка.*
- *атеросклероз брахиоцефальных артерий, стенозы 30—40%, гемодинамически незначимые.*
- *коксартроз II стадии справа.*
- *дисциркуляторная энцефалопатия II стадии.*
- *хроническая болезнь почек IIIa стадии (СКФ 52 мл/мин) на фоне хронического пиелонефрита вне обострения.*
- *начальная катаракта обоих глаз.*

У меня отлегло от сердца, но я хотел убедиться сам, что все в порядке, и попросил ее аккуратно, не отрывая правую пятку от пола, потянуть носок на себя. Носок потянулся. Тогда я попросил приподнять пятку на сантиметр над полом — приподнялась. Вот это было решающим: при переломе шейки бедра пациент пятку оторвать не может, как ни старается. Хоть убей, а нога остается прижатой к полу.

— Перелома нет, — одобритительно сказал я и кивнул прибежавшему на шум медбрату. — Ушиб бока, ушиб ягодицы. На носилки, в палату, на спину. Холод на бок на двадцать минут, потом перерыв на час. Парацетамол, если будет жаловаться на боль.

— Сделаем, Сергей Николаевич, — кивнул медбрат, изрядно удивив тем, что знает мое имя.

Я выпрямился, отряхнул колени и оглянулся. Маруся стояла бледная, прижав ладонь ко рту. Борька жевал нижнюю губу.

Марью Ивановну аккуратно подняли и унесли, и когда мы отошли в сторонку, Борька спросил:

— А чего ты так напрягся-то? Обычный ушиб ведь.

— Я напрягся не из-за ушиба, Борис Альбертович, а потому что подумал, что у нее перелом шейки бедра.

— Ну и что? Мы что, шейку бедра не оперируем? Поставили бы штифт, через две недели подняли.

— В ее возрасте? — скептически хмыкнул я. — В ее годы после такого перелома, по статистике, в течение года умирает каждый второй. И не от перелома, между прочим, а от того, что лежит. От гипостатической пневмонии, что в лежачем положении приходит за пару недель. От тромбоэмболии легочной артерии. От пролежней, которые превращаются в сепсис. А чаще всего оттого, что человек ломается психологически, перестает хотеть жить и просто отказывается от еды. Прооперируешь — и она, может, встанет, если мышцы хватят себя поднять. А если мышц нет — пиши пропало.

Маруся приоткрыла рот, но ничего не сказала.

— Вот вам, Борис Альбертович, и ответ на вопрос, зачем нам эта затея с фокус-группами, — добавил я. — Затем, чтобы у наших бабушек к восьмидесяти было чем оттолкнуться, когда поскользнутся. Чтобы при падении они вставали, а не оставались лежать навсегда.

Борька задумчиво крякнул и больше ничего не сказал.

Затем мы перешли к следующему старичку и так ходили от одного до другого, пока не выбрали двадцать человек. Честно скажу, не все кандидатуры были интересны, но в принципе перебирать не приходилось. Хорошо еще, что в Морках была такая возможность, этот пансионат для пожилых как ресурсная база. А вот что будет в других регионах, я вообще не представлял.

Единственное, что меня немного напрягало, — это то, что отношение заведующего ко мне было резко негативным. Чем мог его так отвратить, я не знал, мы с ним никогда прежде не пересекались, во всяком случае, не помню такого. Но, может, я просто ему чем-то не понравился. Или же он ток-шоу посмотрел. Хотя подспудно у меня шевелилась какая-то мыслишка,

и я понимал, что что-то здесь явно не так. Ну да ладно, со временем разберемся, лишь бы он не стал палки в колеса совать и мешать нашим исследованиям.

После того как мы отобрали фокус-группу и вышли из пансионата в сопровождении толстячка, кланявшегося чуть ли не до земли, Борька посмотрел на меня и снисходительно сказал:

— Вот видишь, ты за все это время не мог сам сформировать фокус-группу. Стоило мне приехать — и сразу все вопросы решились. Вот так надо работать, Епиходов.

Я сдержал усмешку и поблагодарил неугомонного Борьку. В принципе, да, он прав. Я бы сейчас действительно занимался всем чем угодно, лишь бы не научными исследованиями. И поэтому был ему благодарен за то, что он послужил эдаким катализатором, пнув меня в нужном направлении. Но больше всего я был благодарен за то, что он привез Марусю.

Все это время я держался от дочери на дистанции, потому что не хотел, чтобы у Борьки или у зоркоглазой тети Нины появились какие-то подозрения, что нас с Марусей связывают не просто обычные деловые отношения. По крайней мере, меня с ней. Поэтому дистанцировался и держался с ней немножечко отстраненно. Но Маруся невольно тянулась ко мне — видимо, родная душа, она чувствовала, что со мной что-то не так, и постоянно поддерживала и прямо жаждала побольше пообщаться.

Сейчас Борька плюхнулся на заднее сиденье, Маруся села впереди, возле меня. Борька уткнулся в телефон и принялся, яростно сопя и периодически злобно пофыркивая, кому-то строчить сообщения. Мы же с Марусей разговаривали вполголоса.

— Сережа, нравится тебе здесь? — тихо спросила она, рассматривая поселок через окно.

— Конечно нравится, — сказал я. — Ну вот сама посмотри, какая здесь красота. Ты же видишь! Мало какие уголки страны имеют такую прекрасную природу.

— Да ты загнул, — засмеялась Маруся. — Поезжай в тот же Адлер, в Сочи или же на Дальний Восток. Да хоть Подмосковье то же возьми. Везде природа своя, другая. Поэтому говорить вот так...

— Все равно мне здесь очень нравится, — сказал я. — Но главное, тут я свободен, как говорила Зинаида Германовна. У нее свобода, но она считает, что это из-за старости. У меня же свобода из-за того, что здесь глубинка. Я тут могу делать то, что мне хочется, внедрять какие-то свои проекты.

— Да, ты умеешь привлекать людей, — тихо рассмеялась Маруся.

Я не стал комментировать. Подумал, знала бы ты, каких людей я уже привлек...

И тут нашу беседу перебил телефонный звонок. Звонил Генка.

— Ну что, — бодрым голосом закричал он в трубку, энтузиазма у него было хоть отбавляй. — Сергей Николаевич, все на мази! Вы готовы? А то выезжать пора на рыбалку! Я уже все подготовил, шашлыки вон замочил. Палатки собрал, котелок взял. Короче, все будет. Даже из дома сделаю, точнее, заставлю Клавку сделать плов, а там мы только на костре подогреем, чтобы время не терять. Отдыхать же едем. Не знаю, что ваш профессор пить любит, поэтому взял и водку, и коньяк, и вискарь... Так что ждем только отмашку.

— Отлично, — обрадовался я.

— Так вы готовы уже ехать? — переспросил Генка. — На машине Анатолия поедem, влезем как-нибудь...

— Зачем тесниться? — ужаснулся я перспективе трястись, как сельди в бочке, в старом «жигуленке» Анатолия. — Я же тоже на машине, поедem на двух.

— Ну, или так. Через час тогда будете готовы? А то раньше Григорий не может, у него же магазин.

— Сейчас я спрошу у Бориса Альбертовича.

Я притормозил, развернулся и спросил:

— Борис Альбертович, нас приглашают на подледную рыбалку с ночевкой на Глухом озере. Как вы? Это прекрасная возможность, осмотрите местную флору и фауну, так сказать, в первозданно-целинном виде...

— Да ты что, какая еще ночная рыбалка?! — возмутился Борька. — Я всю ночь рулил, и сейчас у меня единственная мечта — доползти до кровати и отрубиться. Нет, нет, нет.

Блин, черт, я даже не подумал об этом. Так хотелось приструнить шалопая Борьку.

— Хорошо, — кивнул я, — тогда завтра с утра?

Борька кивнул и опять уткнулся в телефон.

— Алло, Геннадий, — сказал я, — мои гости хотят отдохнуть, потому что всю ночь ехали, так что давай перенесем на утро?

— Ох, елы-палы! — расстроился Генка. — Ну, это мне на работе отпрашиваться надо. Но ничего, я все организую, вы не переживайте, Сергей Николаевич, все будет на высшем уровне. Тогда ориентируемся часов на одиннадцать, чтобы всем собраться и выспаться. А я успею на работу сгонять и отпроситься. Хорошо?

— Хорошо, — согласился я и, улыбнувшись, отключил телефон.

— А я на рыбалку не хочу, — чуть надувшись, сказала Маруся. — Там холодно и мокро.

— У нас чисто мужской коллектив, — сказал я. — Но я думаю, что тебе с тетей Ниной, Евой и Элен будет нормально. Погуляешь по санаторию, попьешь минеральной водички, просто отдохнешь, выспишься, в конце концов. А мы будем сидеть там на льду и ловить рыбу.

— И зачем вам там, прости господи, попы морозить? — не поняла Маруся. — Рыбу можно в магазине купить.

— Так тут ведь не ради рыбы, — хмыкнул я. — Главное, что мы пообщаемся в чисто мужском коллективе, побудем на природе.

— Да, иногда и такое надо, — согласно кивнула Маруся с явным облегчением, что ей тащиться туда не надо.

На том и порешили, после чего отправились наконец назад в санаторий.

Глава 11

Стоило нам вернуться, как Борька, кряхтя, словно древний старик, поплелся к себе в комнату.

— Только смотри не усни, — крикнула вдогонку ему Маруся, — а то тетя Нина сказала, что через полчаса ужин.

Тетя Нина как раз хлопотала на кухне.

— Ну, как там Пивасик? — заглянул на кухню я.

— Да что с ним сделается, — хмыкнула она и кивнула на Пивасика.

Суслик, нахохлившись, сидел поближе к батарее отопления. Он явно пришел в себя, но еще был слаб. Поэтому грелся, прислонившись практически к самой батарее.

— Не получит ожоги? — забеспокоился я.

— Да не, — махнула рукой тетя Нина. — Сожрал аж целую миску корма, пытался улететь на улицу, но я не пустила. Так он заматерился на меня, а потом сходил на лоток Валеры.

— О как, — засмеялся я.

— В пыльный маленький город, где вы жили ребенком, из Парижа весной к вам пришел туалет... — голосом Вертинского, правда, изрядно пьяного Вертинского, прохрипел Пивасик и неодобрительно вздохнул, оборвав себя на полуслове.

Я засмеялся — суслик в своем репертуаре. Оживает, значит.

Валера тоже крутился на кухне, выпрашивая у тети Нины очередную вкусняшку, и жалобно мяукал. При виде Маруси он моментально полез к ней на руки.

— Ох и хитрый, — укоризненно покачал головой я.

Явно Маруся пришлась ему по душе. А с другой стороны, я задумался, это же кот, тем более дворовый, закаленный. Говорят, что кошки с потусторонними силами общаться могут. Так, может, он внутренне ощущает, что Маруся является моей дочерью, наши души соединены и она моя частичка, поэтому так и тянется к ней? Интересная мысль. С этим надо будет обязательно разобраться.

Хлопнула входная дверь, и в коридоре появился Наиль. Он прошел на кухню, при виде меня слабо улыбнулся.

— Я сегодня сделал великое дело, — похвастался он. — Все-таки интернет у нас теперь нормальный, можно будет спокойно работать.

— А где Ева? — спросил я.

— Пока осталась в Морках. Там есть небольшая гостиница, сняла номер. Потому что у нее завтра еще какие-то дела. Сказала, что здесь ночевать не будет.

— Почему?

— У нее в комнате только одна кровать и все.

— Ну да, — со вздохом кивнул я. Пока еще с мебелью у нас было туговато, не все чувствовали себя комфортно. — Но у меня же есть дом, который я снимаю у Анатолия, она же могла и там переночевать.

— Вы же знаете нашу Еву Александровну, — махнул рукой Наиль. — Ей комфорт нужен, а не нужник на улице.

Ну, так-то он прав, ходить в такой холод на улицу или выносить грязное ведро не каждому понравится. Ева привыкла к другому качеству жизни, поэтому я вполне понимал ее выбор и идти на жертвы не требовал. Свое дело она знала прекрасно, раз уж моя идея в такие короткие сроки обрела плоть и кровь.

Тем временем тетя Нина принялась разогревать рагу, и на вкусные запахи потихоньку из комнат вышли Элен и Александра Ивановна.

— Ой, нас сегодня как много, — усмехнулась тетя Нина. — И знаете что? Стол-то небольшой. Я предлагаю ужинать двумя партиями.

— Хорошо, — сказал я. — Тогда в первую группу предлагаю включить наших гостей, потому что Борис Альбертович всю ночь ехал за рулем, он устал, и мы с Марусей боимся, что он больше получаса не продержится и уснет голодным.

— Я могу во вторую очередь, — быстро сказала Элен.

— Нет-нет, мы вас тоже сразу посадим за стол, у вас же режим, а потом уже все остальные. Ну, еще одно место есть, — сказала тетя Нина, ловко сервируя стол. — Так что ты, Серега, с гостями будешь, как хозяин. А мы уже с Александрой Ивановной и Наилем во второй заход пойдем.

— Хорошо, — согласился я.

Пока тетя Нина и помогавшая ей Александра Ивановна накрывали на стол (Марусю и Элен от этого дела предусмотрительно освободили), я, накинув куртку, вышел на балкон, точнее, большую лоджию-веранду, которая соединяла все комнаты. Как-то захотелось вдруг проветриться.

Следом за мной тут же вышел Наиль.

— Сергей Николаевич, — сказал он тихо, глядя на меня исподлобья, — у меня создается впечатление, что вы на меня то ли сердитесь, то ли еще что...

У меня опять кольнуло неприятное чувство. Блин, с одной стороны, и ерундовая какая-то причина для склок и разборок. Ну не было там минтая, соврал он, а с другой стороны, тоже постоянно вот так ходить, крыситься и подозревать человека, с которым ты работаешь, — это не дело.

И я решил поступить, как в свое время один мужик, который просто одним ударом разрубил весь узел. Поэтому развернулся к Наилю и сказал:

— Да, есть такое. Вот мы заехали с Элен вчера в торговый центр, а там... — Я оборвал себя на полуслове.

Уличный фонарь, который частично закрывали заснеженные лапы елей, отбрасывал слабый свет на лицо Наиля, но тем не менее я прекрасно увидел, как он покраснел и потупил взгляд. Я дальше не стал продолжать, просто молчал и смотрел на него. Ветер поднялся сильнее, он злобно ерошил волосы. Я уже капитально продрог и хотел вернуться обратно, но еще больше хотел услышать ответ Наиля.

— Понимаете, Сергей Николаевич, — с трудом сказал он, явно преодолевая себя. — Да. Получается, я вам соврал. И теперь понимаю, что вы ко мне с настороженностью относились, но до меня только сейчас дошло. Позвольте, я все объясню.

— Объясни, пожалуйста.

— Дело в том, что после нашего общения, когда я представлял мужа Юмашевой и использовал не самые гуманные методы по отношению к вам, а вы меня после этого взяли на работу и дали возможность стать, по сути, вашим заместителем... — Наиль замялся, но вскоре продолжил: — В общем, я очень хотел доказать свою полезность. И когда вы искали минтай, а его в Морках вообще не было... Ну, я и позвонил Олегу. Это мой однокашник, он в Йошкар-Оле работает. И я попросил его раздобыть мне минтая, а он мне сильно должен, поэтому заехал в магазин, купил этот гребаный минтай и притарабанил мне.

— Из самой Йошкар-Олы вез? — удивился я.

— Ну да. Машина у него хорошая, дороги здесь тоже неплохие, так что он буквально за час с хвостиком все привез. Вот и все. Но я не хотел говорить, что ради этого озадачивал людей аж из Йошкар-Олы. Поэтому брякнул то, что первым пришло в голову — что купил в магазине. Я даже подумать не мог, что вы опять захотите этой рыбы и поедете в тот магазин. А потом начнете такое думать. Короче, не подумал я, что так получится.

Он сбился в конце своей речи и тяжело вздохнул. А у меня аж отлегло от сердца.

— Ох, Наиль, — стараясь скрыть громадное облегчение, сказал я. — Это все такая ерунда. Тебе надо было честно сказать. Давай договоримся и впредь будем сразу откровенны, какая бы правда ни была, чтобы какие-то мелкие недоговорки не отравляли наше взаимное доверие. Хорошо?

— Хорошо, — кивнул Наиль.

— А сейчас пошли, будем ужинать, хоть и по очереди. А завтра поедем вместе на рыбалку.

— Отлично, — улыбнулся Наиль, и мы вернулись в теплый дом ужинать.

Следующим утром, невзирая на вчерашнюю суету и усталость, я поднялся ни свет ни заря. На часах еще даже не было шести, когда я проснулся. Сна не было ни в одном глазу.

Ватная тишина во флигеле мягко обволакивала, за окном слышалось уютное поскрипывание качающихся на ветру елей да негромкое завывание вьюги. Не было докучливого городского шума, который обычно будил меня по утрам. Не было и воплей соседского петуха в Морках, который повадился в пять утра орать не своим голосом и поднимал всех, не давая поспать, даже в выходные.

Валера свернулся калачиком на кровати у меня в ногах и сладко посапывал, изредка дрыгая лапами. Осторожно, стараясь не разбудить его, я вылез из-под теплого одеяла и зябко поежился: в комнате что-то прохладно, видимо, сегодня плохо топили. Ну да ладно. Как уж есть.

Я сделал несколько движений: покрутил головой, руками, пару раз нагнулся, поприседал. Прыгать не стал, чтобы не создавать шум, потому что здесь звукоизоляция была так себе. Я мысленно поставил галочку: летом обязательно переделать ремонт, усилить звукоизоляцию, иначе о приватности и нормальной жизни тут можно забыть. Пока еще потерпеть можно. Главное, что здесь сейчас тепло, сухо и чисто.

Одевшись, я тихонечко вышел на кухню, где находился умывальник. Бригада Япара вчера привезла две огромные бочки воды и заполнила резервуар доверху, так что я спокойно умылся и решил немножко прогуляться вокруг флигеля, подышать свежим целебным воздухом.

Натянув старую отцовскую куртку и чуни, я вышел во двор. Неспешно прошел в сторону главного корпуса: снег вкусно хрустел под моими ногами. И так медленно, дыша по схеме 4-7-8 и любуясь заиндеветыми еловыми ветками, добрался практически до выхода из санатория.

От будки сторожа неожиданно послышались оживленные мужские голоса. Кто это там спозаранок?

Ведомый любопытством, я подошел и поздоровался. Там был сторож, который всегда дежурил, и еще один человек, чье лицо мне показалось смутно знакомым.

— Здравствуйте, Сергей Николаевич, — поздоровались оба мужика.

— Здравствуйте, товарищи, — с улыбкой ответил я. — Хорошая сегодня погода, правда? Они согласно закивали.

— Как у вас тут дела? — спросил второй мужичок, глядя на меня из-под козырька старой кроличьей шапки. — Знаете, Сергей Николаевич, вы, конечно, зря из больницы нашей ушли. Люди обижаются. Все-таки людей лечить надо, здоровье — это важно.

Я только развел руками, а мужик продолжил:

— А что этот санаторий — ерунда. Может, моркинцы сюда и попадут. Да только не все. Тем более если это будет частный санаторий, нашим это дорого. Кто из нас сюда придет?

Снова разведя руками, я сказал:

— Знаете, чтобы хороший врач остался работать в больнице, ему надо создать приемлемые условия. А если он еще и талантливый, на вес золота — я сейчас не о себе говорю, гипотетически.

тетически, — то условия должны быть улучшенные и комфортные. Причем не материальные, а скорее моральные: чтобы он не занимался борьбой с ветряными мельницами, а спокойно лечил. Я ведь прав?

Мужик нехотя кивнул, признавая мою правоту.

— Поэтому я и не стал воевать. Не нужен — и не нужен. Знаете, здесь мне нравится, есть возможность возродить санаторий. Который, если его сейчас срочно не привести в порядок, через пару лет разрушится окончательно. А я нашел инвесторов, они готовы вложить деньги, более того, уже начали вкладываться. Мы отремонтировали один флигель и даже начали ремонт в здании. Сейчас еще решим кое-какие вопросы и начнем более-менее полноценно работать. Я думаю, за год этот санаторий мы восстановим до какого-то более-менее приличного уровня, и дальше он будет работать как часы. Да и сами подумайте, сколько жителей Морков найдут здесь работу.

— Так-то оно так, Сергей Николаевич, — вздохнул второй мужик. — Но вы же сами понимаете: если начнете здесь работать, мало кто останется равнодушным.

— В каком смысле? — не понял я.

— В таком. Когда этот санаторий стоял заброшенным и толку от него не было, никто на него даже внимания не обращал. Максимум могли мальчишки залезть. А сейчас, особенно когда у вас начнет что-то получаться, все моментально станут на него облизываться. И, уж поверьте, попытаются его забрать.

— Уже пытаются, — вздохнул я.

Мужик покивал.

— Согласен.

— Слушайте, вы, кстати, не знаете, что случилось с водой? Почему воды нет? — Мой вопрос был адресован больше сторожу. — Здесь часто такие прорывы? Говорят, отключили, но я сомневаюсь.

— Да, это не прорывы, — сказал второй мужик. — Вам действительно отключили воду.

— Да ладно! В каком смысле?

— Ну, в смысле перекрыли.

— Кто? — не понял я.

Мужик хитро посмотрел на меня, зыркнул на сторожа, но, видимо, они были в хороших отношениях, и, понизив голос до шепота, хотя мы находились практически в лесу, сказал:

— Ачиков.

— Как Ачиков? — обалдел я.

— Вот так.

— Не может этого быть.

Я, конечно, понимал, что Ачиков меня недолюбливает, но это какая-то дичь.

— А почему вы удивляетесь? — развел руками мужик. — Получается, что раньше же санаторий этот и больница были под одним учредителем, соответственно, и финансировались из одного источника. Все коммуникации и остальное тоже было общее, в том числе и вода. Он просто перекрыл краник — и все.

«Оба-на, — подумал я. — Так, надо этот вопрос прямо сегодня решить, еще до рыбалки!»

— Ладно, пойду я, — взглянув на часы, сказал мужик, встал на лыжи и резво поехал прочь.

— Такое знакомое лицо, — сказал я, глядя на сторожа. — А кто это такой? Где-то я его видел.

— Ну как же! Это же Степанов, — пояснил сторож.

— А кто такой этот Степанов?

— Петр Кузьмич Степанов. Он у нас человек известный. Как раз он в свое время в ЖКХ долго проработал бригадиром, а на пенсии занимается тем, что разводит цветы. У него весь дом

в цветах. — Сторож неодобрительно покачал головой и для иллюстрации своего отношения сплюнул.

А я сразу вспомнил этого коллекционера-огородника. Я был у него однажды и еле вырвался от вазонного гостеприимства. Вот оно как.

Когда я вернулся обратно, весь аж красный с мороза, на кухне сидел Наиль и пил кофе. Тетя Нина возилась у плиты, что-то ворча себе под нос, но тихо-тихо, чтобы не разбудить остальных жильцов. Я поздоровался и отправился бриться.

— Сережа, ты только недолго там, — громким шепотом сказала тетя Нина. — Я вам овсянку сделала, а она застывает быстро, так что лучше сразу покушай, пока горячее.

— Хорошо.

Быстренько приведя себя в порядок, я вернулся на кухню.

Наиль уже расправился со своей порцией овсянки и, посмотрев на меня, сказал:

— Сергей Николаевич, мне Ева с утра прислала сообщение, что сегодня руководство администрации тоже весь день будет на каких-то мероприятиях. Но это все после десяти часов. Поэтому у меня, знаете, какое предложение? Вы же тоже хотели поприсутствовать. Давайте сейчас совершим мародерский налет на администрацию, а то они будут нас вот так оттягивать каждый день. А так мы сейчас придем до начала рабочего дня, чиновники же приходят всегда на пятнадцать минут раньше, и хотя бы частично попробуем решить наши вопросы.

— Отличный план, — одобрил я.

— Ну, тогда у нас есть еще целых двадцать минут, для того чтобы позавтракать и добраться.

Раз так, я свирепо набросился на завтрак, а Наиль побежал одеваться. Когда через двадцать минут (ну, может, чуть больше) мы стояли у здания администрации, Наиль посмотрел на меня, хитро прищурившись, и сказал:

— Ну что, поиграем в доброго и злого полицейского?

— А то, — хмыкнул я, и мы вошли в здание, поднявшись в кабинет к главе администрации.

Миновав его секретаршу Танечку, которая только прибежала на работу и занималась тем, что наводила лоск, и сразу же постучав, мы вошли в кабинет.

Юрий Дмитриевич Ласкин, конечно, изрядно удивился нашему вторжению, но качать права и изгонять не стал. Он был прожженным дипломатом еще советской закалки.

— Юрий Дмитриевич, — сказал я. — Добрый день. Вы уж извините за то, что мы вот так к вам вторглись. Но есть несколько срочных вопросов. Насколько я слышал, у вас на эти дни очень плотный график. Так что уделите нам минут десять-пятнадцать, мы закончим и больше не будем друг друга дергать.

Ласкин чуть скривился, но так как до начала рабочего дня было еще целых десять минут, нехотя кивнул и показал на стулья: мол, присаживайтесь.

Мы быстренько присели, и Наиль вытащил папку с документами.

— Посмотрите, пожалуйста. — Он разложил перед Ласкиным несколько листов. — Вот здесь и здесь мы планируем провести коммуникации. Здесь будем делать распределительный щиток, здесь поставим трансформаторную будку.

Он начал это все рассказывать, педантично перечисляя утомительные подробности. Ласкин кивал, но особо в схемы не вглядывался, он смотрел то на меня, то на Наиля, и его мысли явно витали где-то в облаках. Наконец я не выдержал и перебил Наиля прямо посреди рассказа о том, как планируется утилизировать отходы и где у нас будет канализация.

— Извините, Юрий Дмитриевич, — сказал я. — Насколько я вижу, вы не согласны с нашими планами?

Ласкин немного сконфузился, но тем не менее взглянул на нас и сказал:

— Понимаете, обстоятельства несколько изменились.

Я внутренне напрягся и подумал: «Ну дела... Приехали!»

Глава 12

Для пущей убедительности Юрий Дмитриевич Ласкин, глава моркинской районной администрации, развел руками. Ничего, мол, не поделаешь. Но я на таких жуков насмотрелся, поэтому он меня не убедил вообще. Как говорила Маруся, от слова «совсем».

— В каком смысле изменились? — медленно выговаривая слова, спросил я. — Мы же с вами все четко обговорили. Было единственное препятствие в виде интереса ижевских, но и этот вопрос уже решен в нашу пользу. Или я ошибаюсь?

— Да нет, не в том дело. — Взгляд Ласкина забегал. — Просто мы посчитали, что нахождение на территории нашего района этого санатория на данный момент нецелесообразно.

— Юрий Дмитриевич, — изумился я. — Но ведь целесообразность мы с вами тоже уже обсуждали. Я расписывал вам все плюсы: новые рабочие места для поселковых, приток туристов и снова рабочие места, а кроме того, продажа сувениров, фруктов и овощей. Это же хорошо для Морков, при этом администрации ни копейки вкладывать не надо. Инвесторов привлекаю я сам. У меня и свои доходы есть, так что этот вопрос закрыт. Коммуникации и земельные участки тоже на нас. От вас нужно только... ну, как бы не мешать.

Я все-таки неверно подобрал слово, и от моей наглой формулировки Ласкин чуть дернулся, но быстро взял себя в руки и сказал:

— Понимаете, есть несколько иных причин, по которым этот санаторий не столь желанный для нашего района.

— Например? — хмыкнул я.

— Например, то, что... да ладно, — нахмурился вдруг Ласкин и сердито хлопнул ладонью по столу. — Скажу как есть. Мы все-таки мужики, че нам ходить вокруг да около? Вы, Сергей Николаевич, сманиваете врачей и медперсонал из больницы. Сергей Кузьмич переживает, что скоро там, в больнице, ничего и никого не останется. Как ему выполнять работу, как лечить граждан?

От такого напора я аж офигел.

Прежде чем отвечать, я невозмутимо активировал эмпатический модуль и быстро изучил его показания:

Сканирование завершено.

Объект: Ласкин Юрий Дмитриевич, 57 лет.

Доминирующие состояния:

— *Когнитивный диссонанс 78%.*

— *Уверенность показная 71%.*

— *Гнев подавленный 64%.*

Дополнительные маркеры:

— *рассогласование между речевой декларацией и микромимикой.*

— *демотический регистр («мы мужики», «че ходить вокруг да около») — тактика сокращения дистанции для давления.*

— *горизонтальное смещение взгляда в ответ на уточняющие вопросы.*

Что и требовалось доказать. Не его это позиция, потому он и злится, что приходится озвучивать чужую. Значит, разбирать надо не самого Ласкина, а каждый его аргумент по отдельности, спокойно и по пунктам. Тогда станет видно, чем именно его держат.

— Юрий Дмитриевич, — медленно, подбирая слова, сказал я. — Во-первых, из моркинской больницы я никого не переманивал, кроме себя. А меня Ачиков уволил за то, что я задержался в аспирантуре на два дня, хотя у нас была научная конференция. Это по всем понятиям,

если говорить на вашем языке, причина уважительная. Профессор Терновский, мой научный руководитель, сейчас в санатории и может подтвердить, что я выступал с пленарным докладом. Во-вторых, формально ко мне перешла пока только одна Нина Илларионовна Андреева, и та переехала из Казани. Знакомая моя, поработала тут в Чукше санитаркой совсем немного. Не думаю, что отсутствие одной санитарки подорвет медицину Моркинского района и всей Республики Марий Эл.

Ласкин недовольно прищурился, но никак не прокомментировал мой выпад.

— А другие? — сказал он.

— А кто другие? Венера Эдуардовна Тумаева? Так она в Чукше, в амбулатории, работала. И вы сами прекрасно знаете, что у нее сложная ситуация с братом. Она хотела перейти работать в моркинскую больницу, некоторое время даже была на подмене, но в конце концов Ачиков ей велел вернуться в Чукшу и в райбольнице не оставил. А в Чукшу ей сейчас нельзя, пока с братом все не разрешится. Вот и поработает какое-то время в санатории. До выяснения обстоятельств, как говорится.

— А другие? — сказал он. — Фролова, например?

— Фролова? С Полиной Илларионовной мы договорились, что во время отпуска она может подрабатывать в санатории, это буквально две-три недели, не больше. Согласитесь, Юрий Дмитриевич, это ее личный заработанный отпуск, и она вправе использовать его, как пожелает.

На это Ласкину нечего было сказать, и он нехотя кивнул.

— А Александра Ивановна? — спросил он.

— Так ведь ее Ачиков решил отправить на пенсию. — Я не стал покрывать Слизня. — Она была заведующей, он ее, по сути, подселел. А женщина в расцвете физических и профессиональных сил. Крепкий работник, да вы и сами знаете. Зачем такому человеку дома сидеть? Вот она и решила пойти поработать в санаторий. Думаю, если ее вернут заведующей в больницу, она с удовольствием уйдет, и я никаких преград чинить не стану. Только рад буду.

Ласкин промолчал, ему нечего было сказать.

— А другие? — наконец, после паузы сказал он.

— Других нету. Тайра Терентьевна разве что. Сейчас она в санатории сторожем, а будет у меня на ваннах медсестрой. Вот и все перестановки. Остальных специалистов я приглашаю из Казани и Москвы.

— А как же Самарцев? Это же хороший анестезиолог, без него как операции проводить?

— А Самарцев давно пенсионер, — сказал я. — И у него своя правда: человек вышел на пенсию, сам решает, как время проводить. Вот он и решил, что дышать в больнице вредной химией в его возрасте — лишнее. А в санатории воздух чистый, вода целебная. Работаться там ему будет намного лучше. Да и молодым специалистам пора уступить дорогу.

Ласкин на это ничего не смог сказать, но я видел, что он сильно недоволен. Прежде всего тем, что его доводы не сработали и придется придумывать новые.

— И еще есть момент, — сказал я, глядя на Юрия Дмитриевича. — Ачиков перекрыл нам воду в санаторий. Вы в курсе?

Судя по лицу, он был в курсе.

— И как вы считаете, это нормально, оставить санаторий и людей без воды?

— Ну, во-первых, — подбирая слова, сказал Ласкин, — Ачиков не обязан платить за воду для санатория. Одно дело, когда тот стоял на балансе больницы и там, кроме двух сторожей, никого не имелось. Там и платить-то было нечего. А сейчас, когда там куча народа плюс ремонт, с чего он должен?

Здесь я, конечно, был согласен с Ласкиным и ничего возразить не смог.

— Хорошо, я вас услышал, — медленно кивнув, сказал я. — Но можно ли сейчас хотя бы временно подключить санаторий на подачу воды? Счетчик поставить не проблема.

— Ну, не знаю, не знаю, — покачал головой Ласкин и опять вильнул взглядом. Ясно было, что с ним еще предстоит много работы.

Как бы то ни было, отказаться подписать документы Наиля он не посмел — видимо, понял, что я не совсем готов отпустить эту ситуацию. Когда же заглянула секретарша Танечка, Ласкин решительно сказал:

— Извините, гражданин Епиходов, но вы уже давно исчерпали свое время.

Вот, значит, как — «гражданин». Что ж, теперь окончательно понятно.

В общем, пришлось нам с Наилем уйти.

Выходил я из здания администрации, едва сдерживая гнев. Поговорили мы с Ласкиным вроде нормально, но стало понятно: позиция властей кардинально изменилась. И с этим нам предстоит что-то делать.

— Обидно, — вздохнул Наиль, — хорошо хоть документы подписал.

— Не переживай, — хлопнул я его по плечу, — и остальное преодолеем, поверь. А сейчас выбрось печальные мысли из головы, и поехали побыстрее домой. Нам предстоит рыбалка!

И мы двинулись назад в санаторий. По пути я набрал Борьке, но тот не ответил, и тогда я дозволился до Маруси. Выяснилось, что Терновский все еще дрыхнет. Позавидовав его способности спать беспробудным сном, я попросил Марусю его разбудить и собрать на рыбалку.

Когда мы подъехали к воротам санатория, время близилось к десяти, а у входа уже стоял синий «жигуленок». Возле него переминались с ноги на ногу Анатолий, Геннадий, Гришка Рыжий и Игорек — все в тулупах, пуховиках и валенках — и подставляли лица низкому декабрьскому солнцу.

Я остановил машину рядом с ними, и мы с Наилем вышли, поздоровались за руку со всеми, а Анатолий сказал:

— Сергей Николаевич! Мы тут подъехали, как уговорились, а вас нет.

— Пришлось задержаться у Ласкина в администрации, — повинился я. — А чего внутрь не зашли? Тетя Нина не пустила, что ли?

— Да зачем? — отмахнулся тот. — Нас тут Генка уже всех замучил со своими пловом да шашлыками, рассказывает в третий раз, как то ли он сам, то ли его Клавка их мариновала. В показаниях путается, как Троцкий.

— Плов мариновала? — удивился я.

— Шашлыки! А что не рассказывать-то? — обиженно отозвался Геннадий. — Я их вчера поставил, думал же, что вечером поедем, а мы не поехали, так что они всю ночь в холодильнике провели, как раз дошли. Клавка моя замешивала, а я настаивал — у нее рука легкая, у меня ладонь тяжелая, а вместе как раз, — хохотнул он. — Уксус, лук, минералка с газом, перец, лаврушка — все по уму. Николаич, твоему Борису Альфредовичу будет — самое во! — И показал большой палец, потом сложил пальцы в щепотку и поцеловал их. — Му-а!

— Альбертовичу, — подсказал я.

— Альбертовичу, — поправил себя Гена. — У нас тут в Морках Альбертов мало, зато Альфредов сразу двое, потому и путаюсь.

Игорек кивнул мне без особого энтузиазма. Видимо, после нашего разговора у Фроловых на дне рождения Оли он пока не очень понимал, как со мной держаться, и потому на всякий случай сохранял дистанцию.

— А Борис Альбертович уже встал, не в курсе? — спросил я, оглянувшись на флигель.

— Встал твой Альбертыч, только сильно ругается, — добродушно сказал Гена. — Даже отсюда слышно.

— Ясно, — улыбнулся я. — Ну, вы пока подождите, мужики, нам с Наилем переодеться нужно.

Вещи я собрал с утра, так что сейчас просто надел утепленное белье, штаны, вязанный отцовский свитер, подаренные мне в Чукше тулуп и ушанку. В общем, отнесся к выезду серьезно.

Наиль тоже оделся тепло, но смотрелось это куда изысканнее: лыжный костюм, оранжевые солнцезащитные очки, вязанная шапка, шарф и угги.

Снасти и прочее были на Геннадии, так что мы просто собрали все, что приготовила тетя Нина, в два рюкзака плюс запасные теплые вещи.

Потом пошли искать Борьку, но на улице нарвались на Еву. Девушка приехала в норковом полушубке и сапожках, щеки ее разрумянились на утреннем морозце, и была она чудо как хороша.

Я был рад ее видеть, потому что, стоило дочке Михалыча стать частью команды, как ее поведение кардинально изменилось. Теперь это была улыбчивая девушка с хорошим чувством юмора, но в то же время патологически ответственная и дотошная относительно финансов. С нашего памятного знакомства и осмотра санатория я виделся с ней считаное число раз, и то мельком, но уже был наслышан о ее качествах от Наиля, Тайры Терентьевны и Япара.

— Ну, как ты тут, Ева? — спросил я, памятуя о ее желании общаться на ты.

— Лучше, чем мне представлялось, — тепло улыбнулась она. — Люди здесь отзывчивые, так что работа спорится. — Она подумала и добавила: — Сергей, как ты смотришь на то, что мы хотим встретить Новый год всем вместе в санатории? Будет что-то вроде тимбилдинга. Папа хочет приехать и познакомиться с коллективом, и Алиса Олеговна изъявила желание поучаствовать. Что думаешь?

— Не рано? — скептически спросил я, глядя на то, что нас окружает.

— Они приедут и уедут, ночевать не останутся, а мы-то уже привыкли. Я и сама сюда переберусь, как ребята Япара доведут ремонт жилого блока до ума. А то у нас тут, ну, ты в курсе, даже воду вчера отключали. — Улыбнувшись, она добавила: — А девушкам без горячей воды нельзя, ты же понимаешь?

И тут черт меня дернул включить эмпатический модуль, и я увидел, что Ева — Ева! — со мной флиртует!

«Да что со всеми вами не так?!» — захотелось мне заорать в небо, но вместо этого я быстренько свернул разговор.

— Ладно, Ева, я всеми руками за. Надо только подумать, может, нам кого-то из местных еще пригласить? И их семьи? Тех же Фроловых, например?

— Обязательно! — просияла Ева. — А насчет программы не волнуйтесь, сделаем все по высшему разряду — с настоящими Дедом Морозом и Снегурочкой, подарками, фейерверками и всем таким. Договорились? — Она протянула руку.

— Хорошо, Ева, — кивнул я и пожал ее теплую и немного влажную ладошку.

За этим нас застала Маруся, и Ева, я уж не знаю почему, увидела в ней конкурентку и, сухо поприветствовав, ушла по своим делам.

— Маруся, где Борька? Он собрался?

— Тетя Нина его сейчас допаивает чаем с сырниками, а до этого она ему еще вчерашний борщ предлагала, но он отказался, — хихикнула Маруся. — Сейчас отпустит.

Я не упустил момента пообщаться побольше с дочкой, а Наиль тактично отошел к мужикам, чтобы познакомиться поближе.

Тем временем показался Борька в своем дорогом пуховике, в котором приехал из Москвы, и в чужих валенках поверх теплых носков. Валенки, очевидно, ему подогнали ребята из бригады Япара. Он шел медленно, и видно было, что, даже отпоенный чаем, не до конца проснулся. Переспал.

— Епиходов! — крикнул Терновский, увидев меня. — Я готов к твоей подледной рыбалке. Только объясни мне еще раз, зачем мы это делаем. А то, видишь ли, все это похоже

на какую-то диверсию против твоего научного руководителя. Сначала мне всю ночь не давал спать твой кот, которому приспичило вдруг воевать с чьим-то полиэтиленовым пакетом, и мне пришлось вставать и отбирать его. Найду, кто подбросил, мало не покажется. И теперь вот эти валенки меня заставили надеть. Причем кто? Мария! — наябедничал он на мою дочь. — И что меня ждет на этой твоей рыбалке?

— Шашлыки, — сказал я. — Посидим, выпьем, закусим, поговорим. Слышал, Геннадий три бутылки в коробку положил и плов от его Клавдии.

— И что, Сергей, — задумчиво проговорил Борька, — мы просто вот так сядем на лед над лункой и будем есть плов?

— Да. Будем на льду есть плов. Потом разведем костер на берегу, поставим мангал и будем жарить шашлыки. Вам понравится.

Борис посмотрел на меня с недоверием и нехотя кивнул.

— Ладно, — сказал он. — Согласен. Но если будет холодно, я первый иду греться в машину.

— Да ради бога.

Но так просто нас не отпустили. Подошла Маруся в теплом пуховом платке поверх своей московской шубки и с двумя термосами в руках.

— Мальчики, — сказала она строгим голосом, — я сделала вам кофе и чай с мятой. Кофе — вот в этом, чай — в этом. Не перепутайте. И, Сережа, пожалуйста, не утопи Бориса. Помни, что он вредный, и, если что, за собой тебя потащит.

— Потащу, — злобно подтвердил Борька.

— Маруся, не переживай, — сказал я. — У нас тут опытные провожатые. И Наиль тоже не промах.

Маруся поцеловала Терновского в холодную щеку и нежно сказала:

— Я буду тебя ждать, Боренька. — После строго посмотрела на него и погрозила пальцем: — И не пей много. Я тебя знаю, ты после второй рюмки начинаешь спорить со всем миром. Тут люди серьезные, не какие-то там академики, а ты в гостях, так что веди себя соответственно.

— Маруся, я у тебя образец сдержанности и тактичности, — оскорбился Терновский.

— Ты образец того, у которого завтра с утра будет трещать голова, — отрезала Маруся и еще раз поцеловала его в щеку. — А нам в дорогу.

Тут из флигеля торопливо вышла тетя Нина — с кульком пирожков в одной руке и поллитровой банкой в другой. Рядом семеня Валера и дико голосил, выпрашивая свою порцию.

— Фух, успела! — громогласно объявила она на весь санаторий.

— Что там еще? — нахмурился Борька.

— Это вам на дорогу, — сказала она и впихнула кулек ему в руки. — С капустой, как вы все любите.

Борька страдальчески закатил глаза, а я отвесил челюсть, не понимая, когда тетя Нина уже успела выяснить предпочтения Терновского относительно пирожков.

— Только испекла, еще горячие, вы их в машине под пуховик положите, до места доедут — будут как раз теплые. А это, Сережа, варенье смородиновое. Если не дай бог вдруг простудитесь, ложечку в чай. В чай, понятно? Не в водку.

— Понял, тетя Нина, — сказал я, после чего посмотрел на мужиков и на их забитый по крышу «жигуленок» и предложил: — Давайте ко мне перегрузим вещи, а то у вас там и так тесно. Ну и могу кого-то еще взять.

Предложение всем понравилось. Гришка начал выгружать сначала самое ценное: пакеты с шашлыками, потом кастрюлю с пловом, обмотанную фланелевой пеленкой, чтоб не остыл.

Потом очень аккуратно Анатолий перетащил ящик с бутылками, и я понял, что мужики очень постарались не допустить ситуации, при которой придется ехать назад в город. Я увидел там и водку, и виски, и коньяк. Ничего хорошего в этом не было, с одной стороны, употреблять

на морозе, а с другой — нас семеро здоровых мужиков, да под хорошую закуску. Главное, следить за собой и остальными.

Геннадий тем временем показал мне, что у Анатолия там и сани, и палатка-куб, и ящик рыбака, и пешня, и ледобур, и спальники. Что-то перегрузили ко мне.

— Ну что, поехали? — сказал я.

— Ага, — подтвердил Геннадий и сел справа от меня, чтобы, если что, показывать дорогу.

Борис устроился на заднем сиденье за Геной, Наиль — за мной. Я заметил, что он, оказывается, прихватил с собой служебную папку с документами и положил ее на колени, как будто ехал не на рыбалку, а к нотариусу. Заметив мой недоуменный взгляд, улыбнулся:

— Это ненужные документы, Сергей Николаевич. Пригодятся на розжиг.

Анатолий с Григорием и Игорьком залезли в «жигуленок», который, выпустив облако сизого дыма из выхлопной трубы, неторопливо покатился по дороге.

Я завел «Паджеро» и поехал за ним.

Г

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.